

Грачева Анна

ЛЮДИ ДО

Анна Александровна Грачева

Люди до

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26122396

Аннотация

После великой катастрофы, что была создана человеческими руками те немногие, кто был силен духом и телом нашли себе убежище в обустроенном городе. Купол, скрывающий их от неблагоприятной внешней среды, дарует свою защиту не каждому и лишь женская часть экспедиции проходит сквозь непроницаемый барьер. Их жизнь – утопия. Но найденная лаборатория дает выход. Теперь жизнь продолжается путем искусственного оплодотворения. Когда численность мужчин и женщин становится почти равна, начинается борьба за власть, после чего было решено построить Новый город, где мужчины смогут править не претендуя на территорию Основного города. В этом мире и развивается история, произошедшая с Лин, девушкой живущей в Основном городе, готовящейся пройти процедуру по оплодотворению в Новом городе...

Глава 1.

Сегодня, очень волнительный день, в такие дни я не могу ни спать, ни есть, в голове постоянно вертятся мысли, от которых мой желудок начинает рефлекторно сжиматься. Не люблю это состояние. Всегда предпочитаю знать все заранее и планировать самостоятельно, ни на кого не свешивать свои обязанности и вообще, люблю, чтобы в мои личные дела никто не вмешивался. Так было до сегодняшнего дня. Бед в том, что с этим я ничего не могу поделать. Сегодня, самое важное решение в моей жизни – за меня примут члены собрания по объединению и обмену граждан. Такие решения принимает комиссия из пяти человек, «Совет пяти», путем рассмотрения личных дел граждан, по средствам рекомендаций от всевозможных инстанций и организаций после непосредственной беседы с кандидатом. Самые серьезные, окончательные анализы, будут делать квалифицированные служащие, с помощью сложнейших приборов, выявлять возможные отклонения от нормы, установленной правилами города. Комиссия собирается два или три раза в месяц и принимает лишь несколько заявок на рассмотрение, чтобы досконально изучить личные дела и всевозможные бумажки по претендентам. Сегодня таким претендентом буду я и еще четыре девушки. Мой год, был высок на рождаемость, поэтому Комиссия работает не покладая рук. Самая обычная процедура, отнимавшая лишь часть их времени, в этот год,

занимает практически все время на Собраниях. Вместо двух раз, положенных протоколом, Комиссия, еженедельно проводит тщательные отборы и беседы.

Моя ночная рубашка шаркнула по полу, я развернулась на новый круг по комнате, вымеряя шагами расстояние от края стены до оконного проема. Нервы – ни к черту. Я, обычно спокойна, да и в городе не принято показывать свои эмоции, теперь мечусь, как бабочка под стеклом. Если бы меня увидели Члены Комиссии сейчас, я завалила бы этот тест, даже не приступив к нему. Часы отмерили всего пять минут, секундная стрелка предательски долго замирала на месте, перед тем как передвинуться на новое деление. Не в силах и дальше мириться с тишиной, наводившей кавардак в моей голове, я схватила панель, что находится на моем рабочем столе и набрала номер Су, моей подруги. После обработки данных, которое заняло некоторое время, послышались гудки, а после пятого гудка послышалось сопение и чавкающее «Да?».

– Здравствуйте, Госпожа Мар, прошу прощения за поздний звонок, могу я услышать Су. – Как можно вежливее и тише, спросила я.

– Су? Ночью? А до утра нельзя подождать? Лин – это ты? – На звонок с панели ответила мама Су, тетя Мар, которая уже много лет состоит в пятерке членов собрания. Если бы моя

мама была в комиссии, может и я с легкостью уснула, а не нервничала и кусала ногти. У меня появился реальный шанс поговорить с подругой, а не дожидаться до утра. Надо было только правильно подобрать предлог. Ничего не выдумывая, я сказала:

– Да, это Лин. У меня важный вопрос по поводу завтрашнего заседания комиссии.

– А! – понимающе выговорил голос, тети Мар. – Переживаешь? Конечно, я сейчас ее разбужу, подождешь?

Не громко выдохнув, я утвердительно промычала в ответ. Пока на другом конце слышались шаги и тихие голоса, мой взгляд ловил минутную стрелку и отсчитывал вместе с часами очередные долгие шаги. Наконец, тете Мар удалось разбудить свою дочь, и панель ожила таким родным голосом и лицом подруги. Она подключила видеоизображение, что в ночное время не стала делать госпожа Мар. Взлохмаченные от сна волосы, которые Су, как и я, не любила заплетать на ночь, теперь выглядели как птичье гнездо, расположившееся на ее голове. А глаза, хоть и наполовину прикрыты, от света, направленного на нее панелью, но выглядят довольно свежо, будто она уже выпалась и готова собираться в путь.

– Да, Лин? Ты чего не спишь то? – С укором в голосе, но без поучительных ноток спросила, Су. Ее голос был спокоен и уравновешен, что немного озадачило меня.

– А как ты можешь спать, я не понимаю... Завтра же комиссия! – Мой голос дрогнул на последнем слове, а сердце немного сбилось с ритма.

– И что теперь, не спать? Милая моя, если так переживать, можно и результатов не дожидаться, или брякнуться перед этими тетками на пол. Посмотрят они, на тебя бледненькую, и не допустят до беседы. – Су задумчиво хмыкнула, вероятно, представив всю картину в голове. У меня же ее слова не вызвали и улыбки. Я только мысленно поставила новый пунктик для размышлений возможного сценария сегодняшних событий.

– Хорошо, что хоть мы будем вместе. – Слова, как балзам, пробежали по горлу, и меня на пару секунд отпустил озноб, когда я представила, что всю дорогу до зала заседания и после меня будет сопровождать подруга. Как мне с ней повезло, как же мне посчастливилось родиться с ней в один день и завтра отметить наш общий восемнадцатый день рождения.

– Да, это кстати. – Снова со смешинкой в голосе добавила Су. – Я уже представила, как мне тебя придется тащить туда, а потом вытаскивать оттуда.

Су посчитала это забавным, я же только на нее и надеялась. Затем уже серьезнее она добавила:

– Да ладно ты, хорош уже. Давай ложись спать, а то вставать так рано, а мы не выспимся.

– Ладно, до утра. – Лениво и горько прошептала я.

– Теперь и мне спать больше не хочется, с твоими ночными звонками. – Горько проговорила Су.

– Спокойной ночи, ложись спать, пока. – Я скорее отключила панель, чтобы не переживать еще и за подругу. Еще не выспится из-за меня, а утром будет мне выказывать свое недовольство. Ее позитивного настроения может и не хватить, на то чтобы уравновесить мои ощущения.

Успокоение, на которое я так рассчитывала, не наступило. И как Су могла спокойно спать? Хотя, голос у нее был бодр, словно она и не ложилась, как и я. Может это всего лишь напускное спокойствие, с помощью которого она подбадривает меня. А сама, лежит сейчас и смотрит в потолок. Уж ей-то нельзя выказать свои сомнения в правильности выбора Членов Совета, ее мать не поймет такого настроения. Когда уже сегодня, с утра, будут решать всю ее дальнейшую судьбу, пусть даже при поддержке мамы, не думаю, что она выдержит все столь же хладнокровно, как сейчас. Мне бы немного спокойствия занять у Совета, всегда сдержанных, правильных и рассудительных, чтобы принять любое их решение. Хотя, нервничать, у меня особых причин нет. Я подошла к зеркалу и начала понемногу себя успокаивать. Расческой провела линию золотистых волос, голубыми глазами рассмотрела себя с ног до головы. Несмотря на бессонную и волнительную ночь, отражение меня порадовало. Тонкие черты лица, прямой нос, четко очерченный контур губ, нерв-

ный румянец на щеках. Довольно стройная фигура, скрытая длинной ночной рубашкой, белого цвета. Может этого будет достаточно для положительного решения комиссии. Хотя мои достижения в учебе тоже должны засчитать. Вполне сносные оценки и, думаю, хорошие отзывы от преподавателей будут плюсом в моем личном деле. Больше всего, я надеялась на преподавателя по истории, госпожи Вин, в секции которой я состою. Самые высокие оценки и положительные отзывы должны быть от нее. С начальных классов, когда в наш кабинет вошла госпожа Вин, меня привлек к себе ее взъерошенный вид. А оценивающий взгляд, под тяжелой оправой очков, настораживал и заставлял нервничать любого ученика. А когда она начала вводить нас в курс предмета, рассказывать про странности нашей экологии, руководящих нашим городом членов комиссии «Совет пяти» и важность их решений в жизни граждан, о неверных решениях наших предшественников и ужасных последствиях разрушивших их мир. Я, как замороженная, слушала каждый урок, а после урока шла на дополнительный курс, в котором более подробно и менее официально Вин (как она разрешала себя называть на ее секции) высказывала свою точку зрения, гипотезы и выслушивала наши мысли и версии. Уже, довольно преклонного возраста, она все же отдавала все свое время нам, своим ученикам, не раз пропуская обязательные процедуры по поддержанию жизнедеятельности внутренних органов. Наиболее интересующая тема для меня всегда бы-

ла «о мире до»... С Вин мы могли часами обсуждать верные и неверные действия «людей до». Мнения на их счет у нас кардинально различались, может именно поэтому нам так нравилось выслушивать друг друга, спорить, выискивать новые факты своей правоты в хранилищах или, подкрепляя свои версии, высказываниями великих людей нашего времени. Госпожа Вин, считает, что «люди до» – совершенно случайно загубили свое существование. Что какая-то незначительная ситуация, вышедшая из их контроля, оборвала существование народа. Я же, приверженец того, что «люди до» целенаправленно истребили себя и себе подобных, понимая, что их вид обречен на вымирание. Одно только их отношение к семье и браку, говорит о собственническом отношении к партнеру, эгоистичности и неправильности их натур. Выбирая себе половину, они руководствовались симпатиями, внешними и социальными признаками, что и приводило их к межличностным конфликтам, породившим за собой ссоры и войны. Не повторяя ошибки «людей до», Наше поколение, пошло путем, описанным в древней книге, который незаслуженно был забыт и считался недейственным нашими предшественниками. Наше общество считает, что выбор пары должен происходить при рождении и сопровождать тебя всю жизнь. Таким образом, можно не только подобрать подходящую пару по возрасту, генетическим анализам и психическим показателям, но и отслеживать ее все время, до процесса объединения достойной ячейки общества с целью здо-

рового продолжения рода.

Никто не знает, что произошло на самом деле с «людьми до». Есть даже такие группы, которые утверждают, что «людей до» не существовало и опровергают любые научные доказательства генетиков, одной только верой в свою истину. Поэтому и уроки истории затрагивают эту тему всего парой параграфов с высказываниями и размышлениями ученых, ссылающихся на научные изыскания и генетические анализы в этой отрасли. Именно недостаток информации по столь таинственному вопросу заставил меня записаться на секцию истории. Благодаря госпоже Вин, я открыла для себя целый мир (основанный на наших предположениях), но это чудесный и завораживающий своей тайной мир, в котором все гармонично и правильно. Мир, который был достоин своего существования.

Благодаря нашим предкам, которые создавали для нас достойное будущее, мы живем в мире без войн, агрессии и оружия. Они по крупицам создавали для нас город, в котором можно не просто жить, но и развиваться. У нас много техники, работающей на нас, библиотеки, сохранившие огромные пласты знаний, образование и работа, которую мы сами выбираем для себя, с помощью предпочтений и тестов, способных определять наиболее подходящие варианты.

Я уже спала, а во сне мне виделся огромный зелено-синий

шар, парящий в открытом космосе, такой яркий, такой мягкий. Я падала в него медленно, а при падении любовалась, как мера за мерой, мое тело приближается к зеленому бархату травяного покрытия земного шара. А соприкоснувшись с поверхностью, меня резко отпружило к голубому пуху облаков. Я была так высоко, каждая клеточка моего тела сопротивлялась моему полету и притягивала обратно на землю. А когда сила, толкающая меня вверх, прекратила свое воздействие на мое тело, меня снова начало тянуть вниз. Только обернувшись на землю, я больше не видела зеленого ковра, застилающего пространство. Моему взору открылся довольно привычный пейзаж бордово-красного оттенка, песчаной текстуры, с небольшими клочками зелени, которую мы выращиваем и бережем, как дорогой для нас островок прошлого. Я проснулась.

Глава 2.

Остатки сна, рассыпались на части, и как я не пыталась их собрать снова, они не хотели складываться в общую картину. Я огорчилась, посмотрев на часы, оказывается, я спала не больше часа. Но никак не смогла уговорить себя снова лечь и попробовать хотя бы сделать вид, что сплю. До оптимального времени пробуждения осталось два часа. Ровно в 7:00 проснется большая часть города, исключая людей, которые заняты на ночных работах, для поддержания жизнеде-

тельности общества. Надеюсь, никто не заметит. Хотя, если я собираюсь принимать душ, наверняка датчики зафиксируют не подходящее время для траты водных ресурсов. Но, я слишком вымотана, чтобы принять это во внимание. Хочется поскорее избавиться от липкого, назойливого сна и принять сегодняшний день.

Вода струится по коже и мысли приходят в порядок. Даже паника отрывает свои клешни и отступает перед натиском холодных капель. Датчик нагрева жалобно пищит о необходимости повышения температуры воды, но я не собираюсь прислушиваться, мне необходимо охлаждение тела, чтобы прийти в норму. Я несколько раз уже проделывала такой фокус с нагревательными элементами, после занятий по физической подготовке, заламывая красный провод, отковырнув обшивку. Каждый раз после, к нам приходил мастер и менял провода. Не думаю, что причинила большой вред обществу, но мне было приятно осознавать, что я что-то смогла сделать сама. Пусть даже и сломать, но сломать самой. Вещи и все приборы, созданные нашим обществом, ломались редко и постоянно чинились при малейшем сбое. Поэтому я не волнуюсь на счет незначительной поломки. Уже через несколько минут здесь будет мастер, который быстро поменяет начинающий чернеть от нагрева красный проводок.

Иду на кухню, но как только подумаю о завтраке, сразу подступает тошнота, и я ничего не могу с этим поделать. Жа-

ловаться маме – неохота. Она будет волноваться, а я не хочу расстраивать ее по пустякам. Ей предстоит тяжелый рабочий день на продуктовой фабрике. Ведь изготавливать еду для общества – тяжелый труд, отнимающий много сил и требующий большого внимания. Вообще-то приемы пищи пропускать категорически запрещено, но я нередко проделываю этот трюк. Мне кажется, что если я буду принимать столько пищи, сколько для меня рассчитано в день, то я определенно не смогу ни тренировать себя, ни вообще, хоть как-то двигаться. Мама меня понимает и прикрывает перед обществом, чтобы мне не вписали нарушение в личное дело, и я не испортила себе историю. Тем, кто работает на продуктовых фабриках это сделать не сложно. Нужно правильно изменить все записи, чтобы прием еды совпадал с ее расходом. Наверное, я не одна, кто иногда пропускает питание. Говорят, что пропустивший прием пищи гражданин, должен будет ее восполнить медикаментозным способом. Как это, я даже знать не хочу! Кладу маме в сумку свою порцию с завтраком, предварительно прижимая указательный палец к упаковке контейнера. Он сканирует меня и довольно мигает идентификационным номером. Я разворачиваюсь, планируя сбежать из дома до того, как проснется мама, чтобы лишний раз не объяснять ей причины моего голодания. Но как раз на нее натыкаюсь.

– Ой, прости мам, я уже собралась уходить. Не стала тебя дожидаться. – Я оправдываюсь, пытаюсь просочиться мимо

нее, но она преграждает мне путь.

– С днем рождения, Лин! – Восторженно произносит она и прижимает меня к груди, крепко обнимая за плечи. Нос щекотят ее длинные каштановые волосы, но мне даже приятно ощущать их нежный цветочный аромат, любимый запах моей мамы. Наконец она отстраняется и смотрит мне в глаза, немногим дольше, чем допустимо. Дольше пяти секунд в глаза могут смотреть только члены Совета, но и они не приветствуют такое наглое обращение с гражданами, оставляя личное пространство. Со мной такое могла позволить себе только мама. У нас с ней есть много секретов, которые не одобрило бы общество. Но, секреты для того и созданы, чтобы о них никто не узнал.

– У меня для тебя есть подарок. – Мама вынимает из кармана своей формы что-то серебристое и кладет мне в ладонь. Ее руки нежно согревают мою кожу, а ее синие глаза светятся такой теплотой и любовью, что и внутри у меня растекается тепло.

– Что это? – Удивляюсь я и в нетерпении открываю ладонь. Я вижу серебряный кулон с изображением маленького человечка, раскинувшего свои руки в стороны.

– Что это? – повторяю я с восторгом.

– Небольшая, старая вещь. Когда-то мне отдал ее твой отец, и я решила, что сегодня тот день, когда ты можешь принять от нас этот подарок. – Мамины пальцы гладят гладкий

металл кулона, а глаза, как в тумане, нащупывают моменты из прошлого, которое мне никогда не увидеть, как и моего отца.

Наше общество не принимает в основу семейные узы. Оно разграничило семью и обеспечение жизнедеятельности. Лишь раз мы встречаем свою пару, после прохождения комиссии и одобрения членами Совета по объединению и обмену граждан. На целую неделю, прошедшую комиссию девушку, отправляют в город, к которому принадлежит ее пара, в Новый город, заселенный мужчинами. На протяжении этой недели проходит дополнительное сканирование клеток уже обоих человек, для выделения недостатков. И если таковых не обнаружено, тогда, проводят операцию по экстракорпоральному оплодотворению. После всех необходимых процедур, пары разъезжаются, а ребенок рождается уже на территории Основного города. Имя и пол ребенку выбирает мать еще в период развития плода. Многие девушки в столь раннем возрасте не хотят растить и воспитывать ребенка и выбирают мужской пол для их потомства. В таком случае ребенка отправляют к отцу, который и занимается дальнейшим воспитанием. В следующий раз пара встретиться через несколько лет, когда организм женщины полностью придет в норму, и ее анализы будут соответствовать тестам. Мама очень хотела второго ребенка, она хотела подарить сына отцу, но так и не смогла восстановить свое здоровье для этого.

И такое бывает. На уроках медицины, госпожа Прил, объясняла мне, что в ближайшее время таких проблем возникать не будет. Но для мамы время уже упущено. Она уже никогда не сможет увидеть отца и подарить ему сына. Глядя в ее печальные глаза, я обнимаю ее. Я хочу отдать ей частичку тепла, но не могу ее понять. Почему она тоскует? По отцу? (Что было бы нелогично, ведь за всю ее жизнь она видела его всего неделю и то на тестах и анализах). Или по ребенку, которого не смогла родить? (Что звучит еще страннее, ведь ей пришлось бы его отдать.) Наш город – женский, за исключением нескольких служащих и учителей преклонного возраста. Похоже, этой тайной мама пока не хочет со мной делиться, или дает шанс самой все понять. Быть может, через годы я сама дойду до истины, и мама лишь улыбнется «Вот видишь, какая ты умница».

А сейчас, у меня нет сил на выяснения ответов на незадаанные вопросы. Уже через час я должна буду проходить комиссию и уже, примерно, через пять минут должен прийти мастер для починки нагрева воды.

Как не упрашивала меня мама одеть что-нибудь более подобающее случаю, я осталась верна своим черным штанам, с повышенным теплообменом, прекрасно защищающим меня от особенно жаркой погоды этого месяца, повседневной майке и свитере поверх нее. Это – форма для учащихся, которую я не готова сменить. Окончательного решения, по бу-

душей профессии – мной еще не принято.

Еще около часа и плотные облака, закрывающие солнце, не пропустят тепло, и будет довольно прохладно. А тяжелая обувь на толстой подошве уже давно была незаменима и присутствовала даже в легких летних нарядах местных модниц. Собираю волосы в хвост, и наношу крем под глаза, для сокрытия бессонной ночи. Защитные линзы от солнечного света, остались лежать на столике перед входной дверью. Никогда их не забывала, но сегодня же – особый день. Теперь всю оставшуюся половину дня придется смотреть под ноги и щурить глаза. Небо с рассветом уже приобрело свой матовый багряный оттенок, но еще не раздражает. Облака, хоть и плотно закрывают собой свет солнца, но все-таки какая-то часть ярких, опасных для здоровья лучей проникает через плотный занавес и наносит вред всему живому на планете. Мне тяжело дышать, но так бывает и мама говорила не обращать на это внимания, что вскоре организм адаптируется и все придет в норму. Госпожа Вин утверждает, что так было не всегда и «люди до» могли спокойно обходиться без защитного купола над городами. Конечно, я ей верю, но от того, что даже представить себе не могу – как это, машу головой отрицая. Мы много раз спорили по этому вопросу, но каких-то внятных доказательств она предоставить не смогла, и нам пришлось остаться каждой при своем мнении.

А пока я шла и любовалась сминающейся под тяжелой обувью красной и песчаной почвой, пока мои мысли были где-то вдалеке от сегодняшнего дня, и осталось всего пара метров до здания советов...

Резкий толчок в спину и тяжесть, навалившаяся на меня сзади, заставляют оставить мысли и отреагировать.

Глава 3

Мои размышления прервала Су, она решила напасть на меня сзади, обхватила меня со спины двумя руками и попыталась свалить на песок. Ну и сколько раз она еще будет пытаться? Для того чтобы меня побороть, ей нужно хотя бы немного тренироваться, и как минимум не на мне, а на снаряде специально предназначенном для этих целей, на уроках физической подготовки. Не мешает еще отказаться от нескольких порций ужина. Но такое, я не решалась предлагать, даже своей подруге. Это навлекло бы проблем, как на нее, так и на меня.

– Су, не трать свое время.

– С днем рождения, Лиин. – Протянула Су и мелкими толчками попыталась оторвать меня от поверхности или хотя бы сдвинуть с места. При разнице в нашей подготовке и комплекции это было не реально. Наш рост отличается меры

на три. И чтобы достать до моей шеи, Су хорошо подпрыгнула. Теперь, будет считать за зарядку.

Мои следующие действия были продиктованы скорее инстинктом, чем натренированными, вызубренными движениями. Иначе объяснить свое поведение я не могу. Да, я отличница класса физической подготовки. Да, учитель меня хвалит, но оттачивать свои умения на подруге, мне и в голову не приходило, ни разу! Наверное, не стоило подкрадываться ко мне сзади, когда мои нервы вот-вот треснут от напряжения! Су, лежала на спине и таращилась на меня в недоумении.

Когда моя голова снова начала контролировать мое тело, я подскочила к Су с извинениями, помогая подняться и отряхнуться.

– Тебе бы тоже не помешало сходить в зал и потренироваться, а потом уже нападать. Прости меня, я, правда – случайно, не понимаю, как так могло произойти! И... С днем рождения, Су. – Мой запас извинений начал редеть и если подруга, надумает меня не простить сейчас же, придется ее уронить снова.

Су медленно стряхнула остатки пыли, скривила свое красивое личико в недоумении и как бы невзначай бросила мне в ответ:

– Спасибо, за поздравление. – Сарказма в голосе через край. – И тренироваться мне не нужно, это я тебя так тре-

нирую!

Ударение на слово тебя, показалось мне обидным, но стараясь не обращать на это внимания, я включила заботливость, как одно из своих положительных качеств.

– Ты не ушиблась?

– Да нет, ты же знаешь, чтобы ушибиться у нас слишком мягкая почва. Вот если бы я напала на тебя в помещении, думаю было бы опасно.

– А ты, я смотрю, все спланировала? – Немного язвительно, но для разрядки обстановки – само то!

– Да, хотела тебя взбодрить. А то ты, наверное, всю ночь не спала. Я права? – Су приподняла одну бровь, подчеркивая ее плавным изгибом, неопровержимость своих выводов и медленно направилась в сторону приоткрытых дверей здания Совета, которое высилось до самого купола под облаками, едва не задевая его удлинненным шпилем последнего этажа.

– Почти. Уснула только под утро. – Я лениво заскребла тяжелыми ботинками по песчаной насыпи, за Су. – Опять приснился тот странный сон. – Немного смущенно добавила я, и еще пристальнее уставилась себе под ноги. Только с подругой я могла обсудить эту тему. Это тот человек, который не направит к медицинскому служащему, а обсудит и попробует что-то вынести полезного из сложившейся ситуации. И все-таки мне было не по себе признавать свою слабость пе-

ред бессознательными проявлениями моего мозга.

– Этого и следовало ожидать, – успокаивала Су, – столько нервов, а все из-за чего? – Ответа на вопрос она не ждала. Я только кивнула, в знак моего полного согласия с ней. – Ничего необычного сегодня не произойдет. – Несмотря на уверенность в голосе Су, я не могла разделить с ней эти эмоции. Наверное, у меня на лице было все написано крупным шрифтом, потому что Су, понизила голос и еще более уверенно сказала. – Эй, не хмурь брови, нас готовили к этому с пеленок.

– Тебе легко говорить, у тебя Мар, в комиссии. – Запрещенный прием, но я не смогла от него удержаться.

Су закатила вверх глаза, давая понять, что участие Мар в решении, явно преувеличено.

– Ты сама прекрасно понимаешь, что решение принимается беспристрастно и коллегиально. Главное – это анализы (то, что от нас не зависит), а на счет интеллекта – это, я думаю, нагнетание обстановки, чтобы относились серьезно и не прогуливали уроки. Как тебе? Я сама до этого додумалась! – Су подняла нос выше.

Теперь уже я захотела закатить глаза к мутновато-багряному небу, но, как всегда, сдержалась. Не хватало, чтобы Су, поделила мою паранойю и недоверие к комиссии. Но на лице подруги стало проглядывать явное подобие улыбки.

Ямочки на щеках задрожали. Су, не смогла сдержаться и хотнула разок. А потом мы вместе засмеялись в голос. Когда мой нервный смех перешел в икоту, Су решила дать мне отдышаться и прийти в себя. Так мы незаметно подошли к самой двери, ноги отказывались идти внутрь. Я вздохнула и попыталась стряхнуть со спины липкий и противный холодок, пробежавший по позвоночнику вверх и обратно.

Глупо, наверное, выгляжу. Как ребенок, перед прививочным кабинетом санчасти. Глотнув больше воздуха, я шагнула за порог и растворилась в суматохе бегающих в разные стороны, но по особой траектории, служащих. Здесь много света, высокие потолки, широкие плиты полов, массивные лестницы. Я чувствую здесь себя такой маленькой, что не понимаю, как меня еще не затоптал один из пробегающих мимо служащих граждан. Особая достопримечательность здания Совета – это огромный флаг нашего города, размещенный на стене, окрашенной в цвет золотого песка. На нем изображена большая голубоватая сфера на грязно-оранжевом фоне, как символ безопасности нашего мира от внешних воздействий. Именно на этот флаг направлен весь свет из ламп, так, что все вокруг кажется мелким и незначительным.

Я много раз бывала в здании Совета. Каждая из нас отмечает здесь каждый год свои параметры, сдает тесты, анализы и беседует с членом комиссии. Но, это проходит настолько

– не официально, что приравняется к обычному уроку. И воспринимается всеми – также. Совсем другое дело – сегодняшний день. Я, Су и еще три девушки сегодня изменят свою жизнь. Даже не знаю, готова я к этому или нет. Су права, нас воспитывали с рождения поступать именно так. Но что-то внутри меня как бы противится этому. Я еще не знаю решения. А страшное то, что я не знаю, чего я боюсь больше. Того, что с моими данными все в порядке и меня отправят на дальнейшее распределение, или того, что я останусь тут одна навсегда.

Из аттестуемых девушек – мы пришли первыми. Всегда отличаясь пунктуальностью, сегодня мне хотелось провалиться сквозь землю и явиться перед «пятеркой» одной из последних. Но к нам уже вышагивала дама, уверенной походкой, с внушительной фигурой атлета. Складывалось ощущение, что она отвечает за отлов таких как мы, не желающих добровольно пройти в кабинет. Мои ноги потяжелели еще сильнее. С трудом передвигая их, шаг за шагом, я направилась в заданном грозной женщиной направлении. Пройдя на второй этаж, мимо множества кабинетов с огромными дверьми, нас с Су направили в разные комнаты подготовки. Бросив последний измученный взгляд в сторону подруги, я получила ее ответный, искристый и предвкушающий новых открытий. Хотя бы за подругу я была спокойна. Эта мысль мне помогла перевести дыхание и усесться на стул в

углу большой, пустой комнаты с белоснежными стенами. Не знаю точно, чего хотели добиться члены комиссии, но мне явно стало не по себе от пространства, которое принадлежало мне одной в данный момент. Идеально белый цвет резал глаза и расширял пространство еще больше. О том, чтобы привести мысли в порядок, не было и речи. Как бы ни растерять последние крохи самообладания и не броситься отсюда, без оглядки. Хотя, я больше чем уверена, что за дверью, прикрывая выход широкой спиной, стоит женщина-атлет, которая не позволит даже мыши проскочить обратно, в мир, из вверенных ей под охрану помещений. Меня подбросило на стуле от одной только мысли о побеге. Да что со мной! Нужно взять себя в руки и двигаться вперед! И я стала ждать. Думаю, Су немного права, все специально устроено для того, чтобы ощутить тревожность и важность этого момента. В обычные ежегодные осмотры конвейер учениц не успевала проглатывать входная дверь и выплевывать обратно. Все проносилось молниеносно. На карточке одна за другой появлялись синие печати, и улыбки на лицах становились все приветливее. Лишь однажды, я наблюдала, как в карточку моей одноклассницы Жан, поставили красный штамп в нескольких графах. Я тогда сделала вид, что ничего не видела и никому об этом не стала сообщать. Какое мне дело до ее карты. Тем более, вскоре Жан и ее семья, переехали в другой район города. Мать Жан направили по распределению на другие работы. Помню, Жан очень огорчилась и

не хотела расставаться с нами. А я позже плакала у мамы на плече и просила не переводиться никогда на другие работы, я так боялась потерять Су. А сегодня мы расстанемся сначала на неделю, а потом жизнь разведет нас по разные стороны, я много раз такое наблюдала. Еще ни разу подруги детства не были также близки, как в беззаботные школьные годы. Разные работы, возможно разные районы, совсем немного личного времени и воспитание ребенка – вот что выйдет на первый план. Вот, что будет требовать от тебя общество.

Вдруг перед глазами все поплыло. Я закрыла, и сильно сжав глаза, снова их открыла. Нет, со мной все в порядке. Просто в белоснежной стене, напротив меня, оказывается, расположена такая же белая дверь, из которой вышла приятная девушка в белой одежде и небольшим подносом. Она грациозно несла большое серебристое блюдо, накрытое белой тканью, на одной вытянутой руке. Натренированность девушки давала понять о ее опыте в данной сфере. Хотелось бы и мне так преуспеть.

Тем временем, служащая подошла и разложила на соседнем от меня столике свои приборы. Складночки, пинцеты, колбы и пробирки, все это для первого теста на генетические показатели. Я привычно зажмурилась и отвернулась. Не могу переносить вида крови, как своей, так и чужой. Этот фактор сразу отдалил меня на несколько пунктов в плане присвоения мне профессии медперсонала. Я это пережи-

ла довольно быстро, так как очень заинтересовалась преподавательской деятельностью, в частности исторической наукой. Медицинская служащая, мне что-то говорила, а может и спрашивала, но потом прекратила это занятие, видя, что я еле-еле сижу на месте. Ее голос в моей голове вторил и множился, а сердцебиение накладывало свой ритм в ее слова. Вскоре все прошло. Я откинула голову назад и приоткрыла глаза. Моя мучительница обмахивала меня белой тканью и говорила что-то про излишнюю впечатлительность и роды. Так как разобрать ее слов я не смогла, я не стала принимать их на свой счет. У меня есть о чем думать в данный момент. Во-первых, это как бы мне поскорее прийти в себя, дабы не шокировать комиссию своим бледным видом (все, как по сценарию Су). Во-вторых, это результат, который внесет в мою карту эта служащая. А в-третьих, уже все остальное надуманное мной раньше.

Наверное, посчитав, что я в норме, девушка в белом покидает кабинет уверенным шагом. Снова искажая белую стену напротив, растворяется в ней. Паника все нарастает, нужно постараться расслабиться, впереди основная часть, беседа с комиссией (если я, конечно, пройду первый этап). Чтобы снять нервное напряжение я решила пройтись. Металлическая ножка стула скребет по белому кафелю пола, наполняя комнату неприятным скрежетом, который отражается от стен и становится еще громче, проникая в мозг. Я скорее

зажала уши руками и огляделась по сторонам. Была ли замечена перемена моего местонахождения в этой комнате? Хотя я и не помню в правилах пункт запрещающий передвижение по кабинету в ожидании своей очереди, все равно волнуюсь. Дверь за спиной приоткрылась и в небольшую щель на меня, недовольно, взглянула женщина, приставленная ко мне. Я кивнула в ответ и запуганная, села на место. Да, вот влипла. Теперь и она думает, что я не совсем в порядке. Нам следует в любых сложных ситуациях сохранять спокойствие, но этого у меня никогда не получалось. С другой стороны, когда моя нервозность достигает пика, я успокаиваюсь. Как раз к моменту ответов на вопросы комиссии все должно быть в норме.

– Добро пожаловать Лин!

Голос из приемников, закрепленных где-то у потолка комнаты, звучит так неожиданно, что я вздрагиваю, и сердце начинает отбивать такой ритм, на который, как я думала, и не способно. Я, зачем-то киваю головой в знак приветствия. Хотя, могу предположить, что они меня не видят. Ставить лишние камеры для наблюдения за гражданами уже давно считали нецелесообразной тратой средств.

– Мы рады приветствовать тебя на собрании по объединению и обмену граждан! – Продолжает голос, и я понимаю,

что он механический. Могу поспорить, что в соседних комнатах с претендентами звучит та же запись. От этого становится спокойнее и я уже с нетерпением жду продолжение монолога.

– Сейчас вам следует переодеться в форму для аттестации, которую вам предоставит служащий. Так же, к вам будут присоединены датчики, измеряющие ваш пульс, давление и другие показатели.

Голос умолкает, а дверь напротив, выталкивает уже другую женщину в белом. На вид она намного старше предыдущей, в волосах проглядывают серебристые нити, а на лице, глубокой паутинкой, запечатлены узоры накопленные годами. С добродушной улыбкой, не говоря ни слова, она протягивает мне что-то белое. Я смущенно принимаю в дар материал, понимая, что уходить она не собирается, а переодеться при посторонних мне не приходилось еще ни разу. Как только мои руки приходят в движение, служащая отворачивается, заинтересованно раскладывая датчики, которые окажутся на мне. Держу пари, она это делает специально, за что ей – отдельное спасибо. Переодевшись в просторную, белую майку и штаны, я прочищаю горло, подавая знак к готовности. Служащая легкими движениями руки наносит на меня плоские, черные стикеры, которые позволяют сделать запись моих показателей и вывести их на панели комиссии.

– Следуйте за мной! – Наконец произносит женщина, довольно притягательным голосом, и я начинаю идти следом. Даже не сразу осознав, что я – совершенно босая. А когда, начала задумываться над этим – было уже поздно. Мы вошли в помещение, своими размерами затмеваящее все, что я видела прежде. Потолок, настолько высокий, что кажется бесконечным, его подпирает множество колонн, которые расходятся по всему помещению и кажется, что у стен нет начала и конца. Я замечаю свое белое отражение в одной из стен и понимаю, что это зеркала так расширяют пространство. Оглядываясь по сторонам и никого уже не вижу рядом. Пока я крутилась, служащая, выполнив свою часть работы, испарилась. В нескольких мерах от меня стоит прозрачный стол с пятью стульями. А за столом – никого. Смущенно переминаясь с ноги на ногу. Я не знаю, как мне действовать, и от такой заминки, начинаю волноваться еще сильнее. И тут комната приходит в движение, приоткрывается несколько белых дверей напротив, а из них vyplывают белые фигуры. Сморгнув видение, я отчетливо различаю по лицам, членов комиссии.

Госпожа Брит, занимает место первая на центральном стуле. Высоко поднятая голова, чистейший взгляд немного раскосых глаз, плотно сжатые губы и вздернутый подбородок. Все придает ей величия и уверенности. Следом, справа от нее, занимает место Госпожа Варн. Она выглядит намно-

го старше всех остальных членов комиссии. Спина ее прогнулась под тяжестью тела, но, несмотря на это, выглядит она достойно своего статуса. Слева, присаживается Госпожа Наин. Ее роскошные черные волосы и глаза так выбиваются из общей картины, что невозможно оторвать от нее взгляд. Яркая, красивая и властная. Рядом с Наин занимает свое место Госпожа Шанг. Как всегда, сдержанна и элегантна, будто плывет, не задевая ногами пола. Белые локоны струятся по белой материи, сливаясь в единое целое, так, что не ясно где начинается ткань, и какой длины пряди. Я зачарованно наблюдаю за красотой и уместностью нахождения здесь именно этих женщин. Их имена и образы с первого года обучения и до последнего, преподаются нам, как образец чистоты и мудрости. Я не сразу замечаю оставшийся пустым стул с самого края. Госпожа Мар, мама Су – отсутствует. Это столь неожиданно, что мое сердце, только успокоившись, начинает биться сильнее. Еще ни разу я не слышала об отсутствии хоть одного члена комиссии на аттестации. Что-то не так. Мои мысли мечутся от госпожи Мар, к Су. Мне страшно и я пытаюсь найти помощи взглядом у остальных членов. Но их взоры, как и прежде чисты, спокойны и открыты. Видимо, заметив мое смятение, или это датчики сообщили им о моем нарастающем ритме сердцебиения, госпожа Брит, своим бархатным, но властным голосом, наконец, обратилась ко мне.

– Доброе утро, Лин. Мы рады приветствовать тебя на торжественном собрании по объединению и обмену гражданами! Мы не сомневаемся, что вырастили Достойного Члена Нашего Общества, но правила требуют протоколирования и анализа твоих данных в твоём Личном деле. Поэтому приступим!

Мое волнение переключается на столь скорое начало аттестации, и я полностью включаюсь в процесс, к которому готовилась годы.

– Приветствую Вас. Я благодарна, за честь, оказанную мне. За право считаться Достойным Членом Нашего Общества. И я готова к прохождению аттестации. – Без единой запинки я повторила зазубренное приветствие для членов комиссии. Теперь, они видят, что я готова и продолжают.

Вступает госпожа Наин, она отвечает за первый тест и за общую медицину Нашего Общества.

– Лин, судя по показателям, фиксируемым на предыдущих ежегодных комиссиях и пришедших несколько минут назад, ты считаешься допущенной к прохождению аттестации и достойной тщательно отобранной тебе пары.

– Благодарю Совет. – Отвечаю я, и вздох облегчения вырывается из груди.

Первый этап пройден. Следующая, принимает слово госпожа Варн, как ответственная за получение достойного образования для каждого члена общества. Вот, кого не хочется огорчать. Кажется, что при любом моем неправильном ответе ее лицо примет такое выражение скорби и глубокого неудовлетворения, что мое сердце просто остановит свой ритм.

– Лин, у тебя весьма высокий общий балл по обучающей программе. Это радует. – Как я и предполагала, госпожа Варн взяла слово. Только я не ожидала такой широкой улыбки, обнажающей ее изумительно белые зубы. В таком ракурсе госпожу Варн, лично я, еще не наблюдала.

– К сожалению, нам придется отнять у тебя драгоценное время и задать несколько вопросов по общей программе. – Как бы извиняясь, дополняет госпожа Варн.

К этому я была готова, еще не было таких случаев, чтобы Совет отпускал кого-то без стандартных вопросов по общей программе.

– Расскажи, пожалуйста, историю возникновения Нашего Общества, конечно в общих чертах.

С благодарностью приняв вопрос, на который я так надеялась, я начинаю:

– Наше Общество, величайший подарок всему человечеству. Примерно тысячу лет назад – мир превратился в пепел. Великие войны разрушали все на своем пути. Страшное оружие, пронеслось стрелой над всем живым на планете и повергло мир во тьму. Все живое погибло, а те, кто сумел защитить себя заранее, от ужасного конца, остались в меньшинстве доживать свой век, без надежды на спасение от неминуемой гибели. Так продолжалось несколько десятилетий. Мир пожирала все большая тьма, и тех, кто выжил, ничто не ждало при выходе из убежища.

Но настал великий день противостояния, примерно 965 лет назад, в поисках пищи и тепла, выдвинулся в поход из своих убежищ, город обреченных на вымирание людей. Они шли не жалея кожи своей, шли, оставляя за собой кости своих братьев и матерей, тех кто не сумел преодолеть долгий путь в «никуда»! Наконец, через нескладанное количество дней, месяцев или лет наткнулся главенствующий походом лидер на непроницаемый купол, не дающий пройти путникам. И не обойти было его и не пройти внутрь. Он был огромен как в высоту, так и в ширину свою. Долго никто из них не мог разгадать тайны проникновения сквозь прозрачный объект.

И лишь, случайно, подойдя к куполу, одновременно пять женщин, прислонили свои ладони, и принял он их под свой

защитный навес.

Как оказалось, другие комбинации никак не подходили и в зону, защищенную от губительного мира, попадали только пятерки женщин. Мужчины же, оставшиеся за пределами купола, оставались умирать, провожая своих дочерей, жен, матерей и сестер под защиту. Простившись с родными и близкими, женщины двинулись в путь, осматривать территорию, впустившую их под свое крыло. Найдя нетронутый город, посреди выжженной пустыни, полный зелени, построек и техники, женщины исследовали каждый уголок в зданиях, чтобы найти разгадку тайного места. В самой центральной постройке находились карты, чертежи и планы, оставшиеся в целостности. По записям, стало ясно, что защитный город строили давно, и предназначался он на случай, произошедший с миром. Только, не был никто готов к скорой катастрофе, и никого не успело укрыть защитное поле. К тому же, сбой в системе на избранность прохождения сквозь купол, привел к большим потерям тех, кто еще мог добраться до укрытия, но не мог разобрать шифр входа. Город остался пустовать в ожидании новых жильцов. Разобравшись в системе управления, женщины, так и не смогли изменить шифр, и были обречены на вымирание. Но через некоторое время, в биологическом отсеке города, нашлась лаборатория с образцами материалов для продолжения рода. Многие женщины согласились принять участие в восстановлении челове-

ства.

Так зародилось Наше Общество. Дальнейшее его развитие было стремительно, благодаря правильному правлению. На всеобщем голосовании были избраны первые пять женщин, открывшие код проникновения под купол, чтобы править городом. Общество множилось и прогрессировало. Образование, медицина, защита, общественность и власть процветали. И вскоре было принято решение о расширении пределов купола. На преобразование и изменение программ и природы ушли многие годы и вскоре соседствующий город был готов к заселению. Совет правящих пяти женщин (по наследству принявших власть у своих предыдущих правительниц) принял решение об отделении мужского населения в Новый Город, по причине редкого сотрудничества и неподчинения Правлению, а также из-за участвовавших попыток борьбы за власть.

Члены Общества боялись новой войны, еще не зажили раны – от той, прежней.

После разделения городов, в систему Общества были внесены коррективы, для удобства дальнейшего сотрудничества между городами. Так как в Основном городе заканчивался материал для воспроизводства, его было решено обменивать у Нового Города, а в целях развития нового общества, в ответ, посылать независимых граждан мужского пола, то есть,

детей.

В Основном городе разрешили остаться только тем мужчинам, которые не могли причинить вреда власти и обществу, по причинам своей старости, но могли принести много пользы своим присутствием...

– Достаточно, Лин. Ты хорошо знаешь историю Нашего Общества, – Госпожа Варн, склонилась над своей панелью, применяемой для внесения и обработки данных, и стала кропотливо отмечать что-то, быстро перемещая тонкие пальцы от одного пункта к другому. Я с изумлением наблюдала за скоростью ее работы. Мне с трудом далась панель на уроках технологий. Мои пальцы неспешно выводили команды на экран и к тому времени, как у всех уже были сданы работы, я только доходила до середины своих задач. Зато учитель хвалил за кропотливость и точность, с которой я выполняла задания, поэтому сильно не занижал мои баллы.

-Лин. – Мое внимание, привлекла к себе, госпожа Шанг. Она окунула меня в свое спокойствие и безмятежность, я словно плыла в такт ее голоса и тонула в добрейших глазах на свете. – Как ты знаешь, Общество подготовило для тебя пару для воспроизводства и дальнейшего сотрудничества. И вскоре, после прохождения аттестации, тебе будет предоставлено подробное личное дело твоего партнера с дальнейшими

указаниями. Мы надеемся на твою исполнительность. К сожалению, ответственная за пункт порядка Общества, госпожа Мар, отсутствует, но это не нарушает протокол, и мы видим благонадежность в тебе и твоих поступках. Прими наши искренние поздравления!

– Благодарю Совет... – Настороженно, выдохнула я (ведь положено благодарить «Совет пяти», а в данном случае здесь только четверо членов комиссии), и направила свой взгляд, на госпожу Брит. Ведь именно она должна была закончить встречу.

– Лин. Мнением «Совета пяти», ты считаешься прошедшей аттестацию, все данные по протоколу будут занесены в твое личное дело. Желаем тебе обрести свое место в Обществе и достойно его представлять.

После этих слов все четверо синхронно поднялись со своих мест и скрылись за белоснежными стенами зала.

Я стояла на месте и боялась шелохнуться. На меня накатил волна паники с новой десятикратной силой. Это все? Я член Общества? Что мне делать теперь? Плывая по течению, обучаясь и вливаясь в свою струю меня выбросило на берег и словно рыбка, еще не окрепшая и не познавшая мудрости, я трепыхаюсь на суше, все никак не найдя направления к вод-

ной глади. Что же со мной будет? Кем мне стать? Как растить ребенка и воспитывать, когда я не знаю ответов на столько вопросов. И где же госпожа Мар! Мне так не хватало ее поддержки во взгляде. С самого детства, как я себя помню, подружившись с Су, я общалась с ее мамой. Ее взгляд проникал сквозь меня, добираясь до истины. Порой, ей не нужно было, и говорить что-то, она все знала и понимала еще до того, как я пыталась высказать. А уж из скольких передраг она вытаскивала свою импульсивную дочь, которая за собой тащила меня. И как только мое личное дело не пополнилось этими данными – непонятно...

...Как-то в середине учебного года, когда нам было лет по десять, Су, прочитав какую-то книгу, решила отправиться в путешествие. Набрала еды из дома и, естественно, прихватила меня с собой. Я подумала, что будет очень весело и с радостью согласилась. Сбежав с последнего предмета, чтобы нас не хватились дома (что уже само по себе является серьезным проступком), мы поделили продукты поровну, в довесок к тяжелым сумкам с нашими школьными принадлежностями. Су вела меня за собой по начерченной ей карте куда-то за пределы строений города. Уже к середине пути я начала сомневаться в правильности своего поступка, потому что времени проходило все больше и больше, очень быстро становилось темно, а я никакого веселья не ощутила. Только усталость и голод. Су расположилась прямо на земле и вы-

тащила из сумки свои припасы. Мы тогда еще не знали, что некоторые продукты нельзя хранить долгое время. А уж тем более употреблять их в пищу, после того, как они пропали. Хорошенько перекусив и немного отдохнув, мы двинулись дальше. Уже ближе к вечеру нас разыскал спасательный отряд во главе с нашими мамами. Мы еле передвигали ноги, у нас был ужасный вид, и безумно болели животы. К слову, мы так и не добрались до конечной точки на карте Су, а может на ней не был обозначен конец. Вот только мы неделю потом лежали в соседних палатах медицинской части, прочищая свои организмы от вредных веществ, выделяемых просроченными продуктами. А после вернулись в класс продолжать учиться. И этого случая, как и остальных, тоже нет в моем Личном деле...

Мою нервную встряску прерывает служащая, которая до аттестации наряжала меня в ослепительно белую форму. Я знаю, что время ее снимать, но мне так жаль расставаться с чистотой цвета, что я не спешу, в след за удаляющейся обратно в комнату подготовки, служащей.

Я вернула себе утренний образ, форму и датчики аккуратно сложила на стул. Штаны, майка, наконец-то обувь. Свитер взяла в руки и из его кармана, звякнув, выпал серебристый кулон, еще утром подаренный мамой. Взяла его в руки, в груди защемило. Несколько часов назад все было, как все-

гда. Многие желают перемен, меня же устраивает стабильность. Маме уже должны были прийти результаты аттестации на ее панель. Интересно, она будет рада или немного огорчится моему взрослению и тому, что мне придется ее покинуть, начать взрослую жизнь. Настало время покидать здание Совета. Я знаю, что личное дело и дальнейшие указания должны быть у меня дома на моей панели. Это, как и много другое, рассказывается на занятиях по подготовке к аттестации. Но сначала, я хотела все обсудить с Су. И ее аттестацию, конечно же, и отсутствие на моей – госпожи Мар, ее матери. Уж она-то, должна знать, что произошло, и как всегда подшутить над моей излишней тревожностью. Я вышла из комнаты, в которой совсем недавно ожидала своей участи, и чуть не наткнулась на служащую, приведшую меня сюда. Отступив пару шагов (в обществе принято соблюдать дистанцию при общении) я вопросительно на нее посмотрела. Мой мысленный вопрос, не остался без ответа, и служащая поспешила сообщить мне, что она проводит меня до выхода, так как я неважно себя чувствую. По ее интонации я поняла, что дело далеко не в моем самочувствии, что-то случилось...

Я пыталась сказать что-то – против ее слов. Но она подавила мои возражения, таким тяжелым взглядом, что мои слова потонули в их глубокой синеве. Решительность – это не мое. Я просто подчинилась, как всегда делала. Уже перед

выходом, я как бы обернулась посмотреть на флаг, а взглядом хотела поймать Су. Из стороны в сторону мои глаза искали знакомые черты. Ее нигде не было. Что-то случилось... Она бы не оставила меня одну. И вообще, она обещала меня втащить и вытащить из этого здания в бесчувственном состоянии, а теперь вместо нее меня в буквальном смысле выносит из здания служащая, чьего имени я даже не знаю. И вот я, наконец, зацепилась за какой-то знакомый образ, но пока мозг распознавал и давал оценку тому, что я увидела, меня уже выставили за дверь, и закрыли ее за мной. Я стояла, боясь шевельнуться, а глаза мои наполнялись тревогой. Что же это значит?

В самом дальнем углу холла я разглядела госпожу Мар, которая со слезами на глазах и бледным лицом что-то пыталась объяснить служащей, бравшей первые анализы на аттестации.

Глава 4.

Сама не помню, как добралась до дома. Мимо проходили люди, спешили по своим делам служащие и дети постоянно перебегали дорогу. Пару раз от сильного ветра в глаза попадала пыль, сильно колющая глаза, и я постоянно жмурилась от яркого света, который успел заполнить собой улицы. Что должно было случиться с Су, чтобы госпожа Мар, так нерв-

ничала. Даже наш самый безрассудный поступок не вызвал у Мар таких ярких эмоций, она лишь сдвинула брови и недовольно покачала головой. Да и Су утверждала, что у нее самая стойкая мама на свете, такой и должна быть ответственная за безопасность общества одна из «пяти».

Панель мигала несколькими посланиями. Должно быть – это поздравления и дальнейшие указания членов Совета. Несколькоими движениями я произвела идентификацию на панели и начала просмотр.

Первым, конечно же, было письмо Совета с личными данными партнера и инструкцией. После, несколько сообщений с поздравлениями от девочек нашего класса, последнее от мамы. С него, пожалуй, и начну.

Пробежав взглядом по тексту, нахлынула тоска. Сухая речь, никаких расспросов или предположений. Просто поздравление по поводу удачного прохождения аттестации и предупреждение о возможной задержке на рабочем месте. Ну вот. Стало еще не спокойнее. Хотелось поплакаться в плечо и попросить совета. А теперь, в лучшем случае, только завтра. Смены на продуктовых фабриках всегда самые длинные по времени, а иногда, из-за нехватки рабочих, приходится продлевать и без того растянувшиеся часы. На продуктовой фабрике не много постоянного персонала. Отрабо-

тять там 2 раза за неделю – обязанность всех членов общества, кроме детей. А иногда, по причинам болезни или занятости на других объектах, приходится удваивать смены. Общество понимает, что это необходимо, и не высказывает возражений. Так и мама, сегодня вряд ли ляжет спать, а домой придет настолько уставшей, что даже не дойдет до ванной комнаты.

Еще, в письме, мама просила меня не забыть принять пищу. Это было уже сложнее. После таких переживаний, о еде даже думать не хотелось, а пропуск приема пищи недопустим. Оказаться в день аттестации на больничной койке с капельницей в руке или чего похуже – совсем не хотелось, но и насильно пихать ее в себя – тоже не радовало. Мамы нет, но есть еще один способ. Я улыбнулась себе, представляя, как раз за разом нарушаю правила, а сегодняшний день был бы на первом месте. Какой-то праздник непослушания.

Пронумерованные контейнеры с порциями еды, рядами занимают полки для хранения пищи. Беру ту, на которой значится мое имя, сегодняшняя дата и предпочтительное время для употребления пищи. Я опоздала от запланированного обществом времени всего на пять минут. Выходит общество, точно рассчитало время окончания моей аттестации, и время моего прибытия домой. Странно, но меня это не радует, а пугает. Откуда работники продовольственной

фабрики могут так много знать о каждом члене общества. Или это работники, отвечающие за пункт порядка общества, берут на себя обязанности по наблюдению за каждым из нас. Я ловлю себя на мысли, что ни разу за восемнадцать лет, не задавалась этим вопросом. Хотя ежедневно, четыре раза в день, открывала камеру хранения еды, и ни разу не видела особых расхождений по времени приема пищи на контейнере и времени на своей панели (когда, конечно, не пропускала какой-нибудь один обед или ужин). Сканирую отпечаток своего пальца на крышке контейнера. Коробочка пищит и со щелчком открывается. Комнату наполняет приятный аромат. Возможно это овощи и «мясные» палочки, мое любимое блюдо. Подумав немного, я все же не решилась впихнуть в себя содержимое, придется действовать. Если выбрасывать продукты, приготовленные для тебя, то это будет считаться нарушением, за которое придется отбывать наказание на исправительных работах в полях. Поняла я это очень быстро. Наш мусор забирают ежедневно и рассортировывают по контейнерам и если остатки еды найдут в отсеке для мусора, тогда наказания не избежать. Можно еще попробовать выбросить еду в туалетную комнату. Но и это не вариант. Ведь канализационная система города устроена так, что обработка химическими элементами расщепляет продукты жизнедеятельности и по трубам распределяет на заводы переработки. Еда, попадая в химический раствор, будет разлагаться намного дольше, что вызовет подозрение или надзорных служб

или медицинских. Я нашла другой выход. На чердаке нашего дома есть небольшое отверстие, которое я нашла еще в детстве, пытаясь спрятаться от Су, чтобы та подольше меня искала. А постоянные жители моего укромного места, птицы, еще ни разу не отказывались от моих угощений. Так я и сделала в очередной раз, не стоит подставлять маму так часто.

Теперь, когда с этим пунктом покончено, нужно вернуться и досмотреть сообщения. А после можно будет связаться с Су, возможно, я придумала много лишнего и на самом деле, подруга уже давно хвастается своей парой всем девочкам класса.

Панель мигает и высвечивает перед моим лицом папку с личным делом моей пары. Я листаю. На первой странице фотография и основные данные. С фотографии на меня смотрят изумительной красоты глаза, синие и глубокие... Я загляделась и даже вздрогнула, когда молодой человек с папки личного дела подмигнул мне и улыбнулся. Совсем забыла, что фото для личного дела записывают в видео формате, чтобы мы как можно лучше смогли разглядеть претендента, все его черты и особенности. Ведь это потенциальный носитель генов будущего ребенка.

Зовут мою пару Лён.

Нет, они издеваются...

Ну что это за парочка – Лин и Лён.

Кошмар какой-то.

Я нервно прохожу пару кругов из одного конца комнаты к другому. Су, ну где же ты, когда мне так нужна. Мне необходимо, чтобы ты разрядила обстановку шуточкой по поводу глупого совпадения, чтобы мы вместе обсмеяли эту ситуацию и приступили к дальнейшему просмотру. Глубокий вдох и выдох. Всегда помогает. Читаю дальше. Рост, на меру выше меня, блондин с голубыми глазами, врут, они у него синие. Родинка на подбородке. А дальше, следуют совершенно не интересные мне данные по его медицинским показателям и график нашего совпадения на 98,3%*, где звездочкой обозначается сноска ниже. О том, что это самый близкий показатель из всех возможных.

– Ну, здравствуй, Лён. – Я, смотрю на фото, которое вновь и вновь подмигивает мне и улыбается.

Листаю дальше, в конце папки с личным делом не открытым осталась папка с Указаниями Совета. Выбираю ее, и ничего не происходит. Перед моими глазами вспыхивает таймер, отсчитывающий время в обратном порядке, а нудный

голос постоянно повторяет одно и то же: «Папка с Указаниями Совета будет доступна к просмотру через 4 часа 35 минут». Отлично. У меня есть свободное время. Набираю домашний номер Су, идет вызов. Через несколько минут, я поняла, что это бесполезное занятие, Су дома нет. Включаю параллельное окно на панели и подаю запрос обществу на связь с Су.

Теперь остается только ждать. Запросы на связь обрабатываются не сразу. Зато связываться так – гораздо надежнее. Можно сразу и видеть и слышать человека, а так же застать его в любом месте, где есть панель. Сначала данные о запросе разговора приходят в пункт управления связью, служащие там сортируют звонки по нескольким параметрам. Во-первых, разрешено ли данному члену общества делать вызовы, запрет может накладывать Совет общества на тех, кто совершил какой-то проступок. Во-вторых, служащий проверит того, с кем связывается на наличие разрешений по связи. В-третьих, после разрешения на связь, происходит соединение, если запрашиваемый может и хочет общаться, то вызов будет совершен. Вся процедура, не должна занять много времени, так как мы с Су, постоянно связываемся друг с другом, и на проверку наших карт уходит не так много времени, все данные уже давно вбиты в память системы связи.

Только сейчас сидя неподвижно перед окном панели, пе-

реливающейся разными узорами на свету, я понимаю, как вымоталась и устала. Глаза закрываются, и я проваливаюсь в поверхностный сон, все же еще слыша голос, повторяющий: «Папка с Указаниями Совета будет доступна к просмотру через 4 часа 28 минут».

...Я лечу на огромной скорости. Падаю, пролетая облака, и мощнейшие потоки воздуха хлещут мою кожу и треплют волосы, глаза режет, они наполнились слезами. Я хочу закричать от боли и страха, но не могу даже открыть рот, так сильно сжата челюсть, что зубы поскрипывают, и щелкает в ушах. Вот-вот падение должно прекратиться и мое тело должна будет принять в объятия какая-то поверхность. Вода, земля, постройки или что-то еще. Но, я успокаиваю себя тем, что скоро все прекратится. Я уже знаю, что сплю. Я уже видела столько разнообразных падений. От тех, что пленят своей красотой и необычностью, до тех, что откровенно пугают, как сейчас. Голос в моей голове постоянно повторяет: «До столкновения с поверхностью земли осталось 4 часа 10 минут». Нет, так долго я не выдержу. Начинаю паниковать и дергать руками, ногами. Тело швыряет из стороны в сторону, то ускоряя мое падение, то замедляя. Но, я так и не вижу, куда могу упасть из-за распухших и застеленных слезами глаз. Дергаюсь снова. И просыпаюсь, от того, что чуть не упала со стула...

Еле восстановив равновесие, я слышу: «Папка с Указаниями Совета будет доступна к просмотру через 4 часа 9 минут».

Я встала, потянулась, встряхнула руками и ногами. Нужно что-то делать. Запрос, на вызов Су, так и не одобрен. Прошло уже около 20 минут. Обычно на соединение уходит не более четырех, пяти минут, а иногда, связь предоставляется почти через минуту, после запроса. Может сегодня укороченные смены и служащие отдела связи не успевают обрабатывать заказы, а может наоборот смена дополнительная и уставшие служащие засыпают на своих местах, как я сейчас. Но сразу понимаю, что пытаюсь успокоить себя, а делать этого сейчас не нужно... Я знаю, что что-то случилось. Я поняла это еще в здании Совета, не увидев встречающую меня Су и случайно попавшую в поле моего зрения заплаканную госпожу Мар. Все не так! Я не могу сидеть на месте и ждать соединения, которого не произойдет, и не могу уже слышать, как таймер отсчитывает время, оставшееся до открытия папки с Указаниями. Я принимаю решение дойти до дома Су. Она должна быть там или хотя бы появиться на время. Накинув свитер на плечи, спешу к двери, даже не отключив панель. Время к вечеру, начинает холодать, и я кутаюсь в длинные рукава свитера и запахиваю его края по плотнее, чтобы прохладный воздух не забирался под него. Иду быстрым шагом, а все прохожие оборачиваются мне в след. Пле-

вать. Я не нарушаю их спокойствия, я нарушаю лишь свое, и пока меня не поймает за руку какой-нибудь проходящий мимо служащий, следящий за порядком, я не сбавлю шага. Песчаная пыль, разлетается от плотной подошвы моих сапог и оседает на черных штанах, оставляя бордовые песчинки, рисуя свой узор.

Во многих домах уже начинают включать свет пришедшие домой рабочие разных специальностей. Учителя, закончившие на сегодня обучение детей грамоте. Связисты, которые так и не смогли разобраться в разрешении или запрете на разговор между подругами. Служащие здания совета, отложившие свои бумаги и личные дела членов общества на полки до завтрашнего рабочего дня. Рабочие различных фабрик по производству и изготовление чего-либо, снимают свои тяжелые сапоги, принимают ужин и падают на кровать до следующей утренней смены и многие другие, оказавшиеся сейчас в своих уютных домах, могут заниматься своими делами или детьми. Очень быстро темнеет и в это время не разрешается покидать своих домов и бесцельно разгуливать по улочкам города. Я перемещаюсь ближе к зданиям, жмусь к их стенам, чтобы остаться незамеченной. Они прячут меня в своей тени, а взамен забирают тепло моего тела при прикосновении моих рук и спины к холодному камню. Я, то замираю, пропуская людей, то перебегаю от одного здания к другому, чтобы оставаться незамеченной. Уже вижу, на рас-

стоянии нескольких домов от меня, дом Су. Темный и пустой. Сердце начинает волнительно вздрагивать. Я прибавляю шаг и чуть не сбиваю служащего здания советов. Их узнает и ребенок, который только поступил на обучение. Это основы, которые должны знать все. Школьники, как я, носят черную форму. Рабочие фабрик и заводов – синюю. Учителя – бардовую. Рабочие на полях – зеленую, но их редко видно в городе, в основном они проживают там, где работают. Служащие, следящие за порядком – носят форму коричневого цвета, а медицинские рабочие – форму телесного цвета. Отличительным же знаком служащих здания Советов, будь то постоянные или временные рабочие, пришедшие на выполнение каких либо указаний, является белоснежная форма одежды.

Я киваю, бормочу извинения и ныряю в темноту следующего пролета между домами. Я затаилась, а озадаченная служащая, так ничего не поняв, решила, что ничего странного не произошло, пошла дальше по дороге. Немного отдохнувшись и успокоившись, тихим шагом пробираюсь к цели. Как я и предполагала – дверь заперта, а все окна дома укутаны темнотой от посторонних глаз и ни единого лучика не проникает изнутри помещения. Все равно несколько раз постучу, еще немного. А вдруг. Понимаю, что лишь трачу время, но так хочу верить в лучшее. Представляю, как дверь открывается, и ко мне выходит заспанная Су, рассказывает

какую-нибудь смешную историю, случившуюся с ней сегодня на комиссии, или про то, что ей подсунули совершенно неподходящего прыщавого, несимпатичного молодого человека в пару. Мгновение на лице появляется улыбка, при мыслях о взбалмошной подруге, но тотчас сменяется задумчивостью. Что же делать дальше. Дома никого нет, хоть сбей об порог сапоги, никто не откроет. Нужно вернуться домой и еще раз попробовать связаться с Су. На улице стало еще темнее, пока я дошла до дома.

Пытаясь тянуть время, я не тороплюсь, еще стараюсь обдумать план действий. Может напрямую обратиться в Совет или к служащим по порядку. Дергаю дверь за ручку, а из дверного проема вылетает сложенный в несколько раз листок бумаги. Сердце замирает, я знаю, что это. Еще в детстве мы с Су придумали это средство общения. Тайком подкладывали в дверь друг друга записки, а потом читали. Наша тайная переписка сохранилась у меня в коробочке под кроватью до сих пор. И вот, спустя много лет тишины, снова письмо. Захожу в дом. Руки дрожат и не хотят слушаться, стараюсь не порвать бумагу, разворачиваю.

«Лин. Не ищи, будут неприятности. Я выбрала свой путь. Прости, что не сообщила заранее. Может быть, еще встретимся в Новом мире. Прощай. Су»

В горле комок, пытаюсь проглотить, понимаю, что глотаю слезы. На несколько раз перечитываю бессмысленные слова.

О чем это она? Что хотела сказать? Где она? Почему мне опасно ее искать? И что еще за новые фразы, типа «Новый мир»?

Ступор. Я даже не могу пошевелить рукой, а мои мысли и вовсе замерли. Лишь жалобный писк панели заставляет меня очнуться и подойти прочитать сообщение.

Панель выдает, что время ожидания доступа к просмотру папки с Указаниями Совета завершено. Открываю папку. Читаю.

«Для прохождения дополнительных, совместных с вашей парой тестов на выявление патологий генного развития, а также, при положительном результате, для осуществления экстракорпорального оплодотворения вам необходимо:

- 1. Собрать «сумку № 1».*
- 2. Выйти из дома, для дальнейшей транспортировки, ровно в 9 вечера.*

Вам не разрешено разглашать информацию о времени вашего отбытия. Вам не разрешено брать любые другие вещи, не перечисленные в списке «Сумка № 1»

Надеемся, на качественное осуществление сделки, в целях

*развития нового общества, по договору с Новым Городом.
Совет пяти»*

Из рук падает записка Су, у меня всего полчаса на сборы. Меня пугает такой скорый ночной отъезд, меня настораживает, что мама еще не вернулась со смены, а когда вернется, то не застанет меня дома, и меня просто угнетает записка Су, которую я вновь подняла и крепко зажала в ладони.

В список «Сумки №1» входит очень мало вещей, поэтому кроме небольшого рюкзака мне больше не понадобится дополнительных сумок. Я отказываюсь думать больше. Я устала, очень хочу спать, а теперь, когда читаю, про список продуктов, которые должны войти в сумку, еще и есть. Но я не успею осуществить свои желания. Я еле успеваю запаковать все собранное в рюкзак, как часы отмеряют пять минут до прибытия за мной транспорта. В последний раз пробегаюсь по списку, вроде бы ничего не забыла. Рука в кармане свитера снова находит кулон. Мне запрещено брать лишние вещи, но я надеюсь, что его никто не заметит. Я не хочу с ним расставаться. Прячу обратно в карман и выхожу. Небольшой пассажирский транспорт уже ждет меня у подъезда к дому.

Глава 5.

Я понимаю, что что-то идет не так, но не могу точно уло-

вить что. Со мной рядом сидят четыре девушки, три из них должны были сегодня пройти аттестацию, Плюс «Я». Еще одна, пятая, не знакома мне. Она сидит сзади всех нас и задумчиво смотрит в окно, задевая стекло своей рыжей копной волос. На улице уже довольно темно и через стекло пассажирского транспорта, который должен нас довезти до границы города, почти ничего не видно. Лишь очертания домов, деревьев, построек нашего города. Что она могла видеть? Я повернула голову к окну и стала всматриваться через стекло и сумерки, в приглушенные тенью пейзажи. Мне чудились разные силуэты диких животных в кронах зеленеющих посадок, многие из них, провожали наш транспорт взмахом лап на прощание.

Вот что не так... Я вспоминаю. Даже на лекциях по ознакомлению с процедурой аттестации говорилось, что для пяти девушек, покидающих наш город для процедуры экстракорпорального оплодотворения, проводят несколько часовой курс занятий по изучению правил поведения с противоположным полом. Ранее, нам не приходилось заострять внимание на различиях поведения друг друга, но на аттестационной подготовке, нам объясняли, что различия, между мужчиной и женщиной существуют не только на физиологическом уровне, они настолько глубоки, что нам не стоит заострять на этом внимание, но для наилучшего взаимопонимания, нам следует пройти индивидуальный тест. Именно

его у меня не было. Ранее, я не замечала за обществом отклонения от введенных норм и устоев, но сегодняшний день выявил для меня столько противоречий, что я не знаю к кому мне обратиться, чтобы хоть как-то успокоить свои эмоции.

Девушки, что сидят, сгруппировавшись неподалеку от меня, выглядят настолько беззаботно, словно им давали какие-то разъяснения по ходу нашей поездки. Лишь я, и маленькая рыжая девушка, смотрим по сторонам. А я все пытаюсь найти отклонения в системе.

Первое, моей подруги нет со мной, но нас, по-прежнему, пятеро в поездке.

Второе, моя мама, наверное, еще не в курсе, что меня нет. И как ей будут объяснять мое отсутствие, для меня загадка.

Третье, я чувствую волнение, когда моя рука соприкасается с кулоном, спрятанным в моем кармане. А как справиться с подступающей паникой нас не обучали.

Четвертое, наш отъезд не должен быть столь спонтанен и быстр.

Наверное, можно продолжать и дальше, перечисление моих сомнений, на счет случившегося со мной, но я не вижу

смысла в накручивании себя еще сильнее и пытаюсь успокоиться.

Что бы на моем месте сделала Су? Наверное, она бы смотрела в окно и ждала незабываемой встречи с чем-то новым. Ловила бы каждый момент, проведенный ей в этом увлекательном путешествии, ведь шанс побывать где-то, за пределами нашего города, появляется только у девушек, прошедших аттестацию и едущих на встречу со своей парой, или на повторную встречу через несколько лет после первой (пройдя еще одну аттестацию, для проверки готовности организма к воспроизводству).

Я замечаю, как меняется картинка, и мы движемся, меж бесчисленных полей, оставляя за спиной суету и огни города. Наша поездка кажется мне бесконечной, я думаю, что и наш город не имеет конца. Я не видела своими глазами его границ, только на карте, висевшей на занятиях по изучению окружающего мира. За чертой, отделяющей наш город от остального мира, находится пустыня, до перехода в Новый город, его границы тоже плавно очерчены на карте, но внутренняя инфраструктура и географическая особенность Нового города нами не изучалась. Кроме границ наших городов ничего нет, выжженная территория, не восстановившаяся после катастрофы.

Мы останавливаемся, достигнув определенной точки нашего пути. Наверное, это и есть переход за купол нашего города. За окном глубокая ночь, не думаю, что это нормально, в темноте перевозить через границы, членов общества, но пытаюсь себя успокаивать тем, что мне точно не известна вся процедура и что такое, вероятно, случилось прежде. Внутри салона звучит голос из динамиков, установленных для связи между нами и управляющим транспортом служащим.

«Мы находимся на границе перехода между городами, просьба неукоснительно следовать дальнейшим инструкциям. Возьмите ваши вещи и выйдете из салона, пройдите несколько шагов прямо до упора в непроницаемый купол. Одновременно прикоснитесь ладонью заградительной системы и сделайте шаг через нее. Вы пересечете разделяющий щит, за которым вас уже ожидают. Дальнейшие инструкции вы будете получать на месте»

Голос, умолк, и все девушки поднялись со своих мест. Я последовала за ними. Мы вышли, одна за другой из открывшихся дверей, встали рядом в линию и сделали первый шаг.

Под ногами была неровная поверхность, и я несколько раз споткнувшись, чуть не потеряла равновесие и не свалилась на землю. Меня поддержала и улыбнулась мне, вставшая рядом со мной рыжеволосая девушка. Может мне и показалось, потому что темнота ночи не давала возможностей раз-

личать даже очертания друг друга. Я больше это почувствовала, улыбку и поддержку стоявшей рядом, стало комфортнее, и я делаю шаги вперед, пока не утыкаюсь в невидимую преграду. Так же я бы себя чувствовала, прислонившись к стене любого здания в упор. Немного странно, стоять лицом к стене, но не видеть ее, а только ощущать. Мы поднимаем ладони и прислоняемся к преграде одновременно. Наши руки не находят сопротивления и проникают внутрь стены.

Все пятеро, мы пересекаем черту города и оказываемся по другую ее сторону.

По моим ощущениям – ничего не поменялось. Я все так же ничего не вижу вокруг, лишь очертания. Лишь дыхание мое стало ровнее и спокойнее, вероятно здешний воздух опьяняет, ведь он не так чист, как под куполом города. Но все же, он прохладный и свежий. Девушка, стоявшая рядом со мной, чуть сильнее сжимает мою ладонь, и я чувствую, как на мою руку переходит вибрация от ее волнения. Я же, настолько устала, хочется спать и есть, и нет сил на страх или предвкушение чего-либо. Уже пожалела, о том, что так необдуманно отдала свой завтрак и обед, а ужин просто пропустила. Мы стоим неподвижно и ждем встречающую нас делегацию из Нового города, которая должна выдать нам новые инструкции.

Я уже хочу начать считать минуты, чтобы ощущать те-

чение времени, которое кажется, растянулось в вечность. Как вдруг, слышу шум приближающегося транспорта. Еще я, кажется, услышала вздох облегчения рядом, но мне могло показаться. Разыгравшееся воображение и едущий к нам транспорт – вот что это могло быть. Служащий по управлению транспортным средством, как почувствовал, что нам достаточно неуютно в темноте и включил фары. Наконец, начали проявляться очертания едущего в нашу сторону, огромного «Вездехода», кажется, так называли эту махину – наши предки. Невероятной величины колеса, которые подпрыгивают на кочках, сотрясая кабину машины. Внутри, наверное, все скачут, как мячики. Я представила на минуту эту картину и прыснула нервным смешком.

Моя соседка, подозрительно, покосилась на меня, но ничего не сказала. Я спрятала все нарастающую улыбку в сторону и стала внимательно вглядываться в чуть подсвеченное пространство. Чистые поля, песчаная почва, неровная поверхность земли и ничего больше до самого горизонта. Скучно. Где-то далеко мне виделась зелень лесов и кустарников, но это лишь мое воображение, ничего подобного быть здесь не может. Карты, созданные служащими Основного города, ничего живого в округе не показывают. Значит, это темнота, устраивает со мной свои игры.

Машина поравнялась с нами, обдавая нас своим жаром,

а из открывшейся двери выпрыгнул мужчина средних лет в темно зеленой форме и странном головном уборе, закрывающем голову и часть лица, отходящим вперед на четверть меры отростком упругой материи.

– Доброй ночи, дамы. Позвольте проводить вас до места следования, – Скороговоркой выпалил встречающий нас мужчина, и протянул руку в нашу сторону.

– Нас предупреждали о получении дальнейших инструкций, каковы они? – Моя соседка не смогла удержать свое волнения и выпалила первое, что пришло ей в голову. Довольно глупо получилось. Ведь нам же сказали проходить в машину – это и есть дальнейшая инструкция.

– Все по ходу дороги, нам нужно успеть прибыть на место к утру. Таковы распоряжения. – С неохотой отвечает ей служащий.

Я думала, мы не поместимся внутри, но в салоне машины оказалось так просторно, что все заняли свои места, и между нами еще было полно свободного места. Мы протягивали в ответ руки, каждая по очереди, и мужчина помогал нам взобраться на высоту первой ступени, одной ногой на приступок, а уж после, немного подтолкнув, в сам салон. Мы даже с комфортом развалились на мягких сиденьях и, переглянувшись, друг с другом, расслабились. Мотор снова

взревел, и нас закачало на сиденьях от быстрого движения по бугристой поверхности. Мы двигались в противоположную от Основного города сторону. Вопреки всему, мои глаза не захотели больше смотреть на черноту за окном, а постоянное покачивание завершило начатое – я провалилась в долгожданный сон.

Меня снова рвал на части воздух, ударяющийся о мое тело и вырывающий из рук мой рюкзак, рассыпая все содержимое, которое я с трудом уложила по местам. Только в этот раз я закрыла глаза и просто ощущала на своем лице грубое соприкосновение его порывов, не встречающих моего сопротивления. Только уши заложило и теперь мне ничего не слышать в округе, кроме монотонно звучащего «жжжжж». Уже совсем скоро я должна ощутить падение, какое оно будет в этот раз? Видеть сон (с закрытыми глазами), где ты летишь (снова, с закрытыми глазами) оказалось интересно и странно. Падения я так и не почувствовала. Гул в ушах плавно прекратился и меня с силой начало раскачивать из стороны в сторону.

Еле-еле раскрыв глаза, вижу мою неизменную спутницу, которая, не стесняясь, трясет меня за плечо в надежде привести в чувства.

– Ну, наконец-то, – почему-то, шепотом, говорит она и

наклоняется все ближе к моему лицу, – я уже думала, не разбужу тебя. – Еще тише добавляет странноватая особа и расстегивает пояс, удерживающий меня на сидении всю дорогу.

– Что такое? – Начинаю возмущаться я, но она мне в ответ лишь шикает.

Ну, допустим, ладно. Тихо – так тихо. Но я хочу получить объяснения ее странному поведению. И пытаюсь снова, но уже тихо, шепотом:

– Что случилось?

Моя «подружка» прижимается еще ближе и начинает щекотать своим дыханием ухо, пытаюсь что-то сказать. Я отстраняюсь, но как только понимаю, что по-другому она молчит, снова приближаюсь к ней.

– Этот служащий мужчина ушел, забрав троих наших, и очень долгое время не возвращается, мне стало страшно, я абсолютно не знаю, что происходит, и где мы находимся, нам же не давали других инструкций, только сесть в машину. Мы долго ехали, а никакой границы Нового города так и не пересекли. Ведь мы должны были это заметить. Я знаю, мы должны были выйти из машины, для перехода из транспортного коридора в Новый город. Вот я и разбудила тебя, мне не по себе, от того, что я многого не понимаю.

Она прекратила и стала пристально вглядываться в мои глаза, пытаясь понять, слышала я ее или все еще сплю. Я, зачем-то, кивнула и так же повернула голову к ее уху, это явно не игра.

– Скажи, что ты видела в дороге. Я достаточно хорошо знаю географию местности и могу предположить, где мы находимся.

Теперь уже я посмотрела в глаза девчонке, чтобы увидеть прояснение или ничего. Ничего. И она только помотала головой в ответ. Вокруг, до сих пор очень темно, но я могу заметить, уже без света фар, что вдалеке, вправо от нашей стоянки, виднеются силуэты чего-то высокого, посреди гладких бесконечных полей.

– Они же направились в ту сторону? – Задаю я вопрос совсем притихшей от страха соседке.

– Да, только это не может быть Новый город. До Нового города строили дорогу, она должна быть ровной и не такой долгой. – Совсем уж вжавшись в сиденье, отвечает она.

– И ты молчала все это время? – Я повышаю голос, от чего глаза моей соседки расширяются вдвое.

– Я не могла говорить, он все время следил за нами, а девчонки так вымотались, что вскоре все уснули, я одна не могла спать от волнения. – Она перевела дыхание, хотела, что-то

добавить, но передумала и устоялась на меня, в ожидании.

Я сильнее распахнула пояс, все еще прижимающий меня к мягкому и теплomu сиденью и попыталась открыть дверь. Ручка охотно мне поддалась, я оттолкнула ее и начала карабкаться на выход. Меня обхватили руки сзади, пытаюсь остановиться.

– Ты куда? – Испуганным шепотом, чуть громче, чем ранее залепетала девушка.

– Туда. – Указала я подбородком на все сильнее проступающий кусок стен или построек.

– Но нам туда нельзя, нам не нужно туда.

– Да, а куда тогда нам нужно? Дороги в Новый город мы не знаем! Это, – я снова мотнула головой вправо, – единственная обжитая территория на протяжении... боюсь предположить скольких мер. И меня интересует, почему только троих из нас забрали куда-то, а нас оставили здесь? И еще, я не собираюсь сидеть и ждать, когда за мной кто-то придет. Если уж и прийти, то самой. Ты как считаешь? – я закончила, явно немного погорячившись с напором.

Она просто кивнула и отпустила меня, расслабив руки. Спрыгнув с «вездехода» я зашагала в сторону выступающих построек. Если идти в таком ритме и дальше, то до восхода солнца я должна добраться до них, при солнечном свете –

это будет сделать сложнее. Тем более, я не знаю, как должно повлиять на меня солнце, вне купола. На открытой местности работают только перевозчики между нашими городами, их смена происходит ежемесячно, поэтому никакого пагубного влияния на организм замечено не было. Плюс, различные медицинские процедуры, помогающие адаптироваться.

Но я волнуюсь, что моих познаний не хватит, чтобы с точностью установить, на сколько, здесь опасно находиться сейчас и при свете дня. Пытаюсь не рисковать и ускоряю шаг. Следом за мной бежит моя спутница, еле поспевая за моим размашистым шагом.

– Подожди, я с тобой. Я не могу остаться здесь одна. – Причитает мне в спину и прибавляет шаг до бега. Нагоняя меня она переводит дыхание и протягивает мне свою руку.

– Рон, – запыхаясь, начинает и сбивается. – Меня, Рон зовут, а тебя?

– Лин.

Дальше мы молчим и просто стараемся идти наравне друг с другом. Я могу идти быстрее, я знаю, что нужно ускорить шаг, но не могу бросить Рон, одну. Моя спутница очень маленького роста, и если бы я не знала, что аттестуют только восемнадцатилетних, я бы подумала, что это еще ребенок от силы пятнадцати-шестнадцати лет. Естественно, себя

в шестнадцать, я ребенком не считала. Но теперь вижу, как это могло выглядеть, когда ты бежишь за взрослыми, вместо того, чтобы уверенным шагом идти в ногу. Еще ее отличают рыжие кудряшки, я редко встречала такой цвет волос, обычно у всех более спокойные оттенки прядей, а у Рон – это буйство красных и золотых красок на курчавой маленькой головке. Захотелось поднести руки к ее голове и согреть их, хоть немного. От быстрого шага, ветер стал нарастать и обжигать руки своими порывами. Периодически, я подносила то одну, то другую руку, закутанную в материю свитера, ко рту и дышала на них, а Рон, смотрела на меня и повторяла следом.

Радовало наличие собранной сумки за спиной, ожидание завтрака подгоняло меня быстрее добраться до какой-нибудь закрытой местности, чтобы не выделяться и спокойно поест, хоть раз за сутки. Рон, особо голодной не выглядела, хотя не должны же у нее бежать слюни от голода. Я машинально провела рукой по своим губам, но, конечно же, они оказались сухими. Пить хотелось еще больше, чем есть. К сожалению, вода не предусмотрена в наборе «Сумки № 1». К моему великому сожалению...

Рон разделяла мои мысли. Я видела мелкие трещинки на корочке ее губ и облизала свои, в надежде на что-то иное. Да, не лучше. Хорошо, что идти осталось не так много, а там

что-нибудь придумаем.

Вспомнился наш поход с Су, когда мы благополучно заблудились. Надеюсь, из меня выйдет лучший проводник. Хоть со мной и нет карты, но как я помню, Су она не очень помогла. Картами нужно уметь пользоваться, нужно представлять и рисовать у себя в голове картинки, а я не могу нарисовать то, что никогда не видела. Мне совершенно не знакома эта местность, а так же – что от нее ожидать. Будет ли вода, можно ли ее будет пить, и что от нас нужно этим странным людям?

Мы наконец-то начинаем приближаться, и я вижу перед собой огромную стену, своей величиной она может поспорить даже со зданием Совета, а разломы образованные временем, в некоторых местах, придают строению античности и красоты. Именно через них я и решаю попробовать перебраться. Это не должно составить мне труда, но вот Рон, вряд ли ее маленькие ножки достанут до такой высоты.

– Ты пойдешь вперед, я помогу тебе взобраться на стену, иначе ты не сможешь. – Мой тон не требует возражений и Рон кивает. Нам обоим сложно говорить от потрескавшихся губ и сухости во рту. Вот бы хоть каплю воды. Но стало заметно свежее и прохладнее, хотя солнце уже почти выглядывает своим краем на нас.

Я наклоняюсь и подсаживаю Рон на выступ, образовавшийся в разломе стены. Она хаотично машет руками и ногами пытаюсь зацепиться хоть за что-нибудь, а я ей даю подсказки по ходу ее продвижения или промедления, второго – намного больше. Она вскарабкивается на самый первый выступ и смотрит на горизонт, широко открыв рот от удивления.

– Рон, что там?

Она молчит, и я ускоряюсь, все яростнее перебирая руками и ногами, пытаюсь скорее увидеть захватившую дух Рон, картину.

Глава 6.

Поравнявшись с Рон, я хватаюсь за края выступа и подтягиваюсь. Смотрю вперед, и мое дыхание перехватывает. Такое сочетание красоты и опасности мне еще не встречалось. Сравнимо тому, как гореть в огне и любоваться переливами его пламени. Но я, не могу оторвать глаз.

Стена – это все, что нас отделяет от широкой, искрящейся голубыми переливами реки. Я придерживаю Рон одной рукой за плечи, а второй крепче перехватываю края камня под

рукой. Несколько минут мы не можем произнести ни слова, просто смотрим и наслаждаемся видом. Свежесть от реки ласкает нашу измученную сухим климатом кожу. Даже на губах появился привкус прохладной воды.

Первой наше молчание прерывает Рон.

– И что теперь?

– Давай искать место, где можно спуститься на берег реки, не должна же она везде прижиматься к стене.

– Хм, почему бы нет? Стена, возможно, удерживает реку от разлива, поэтому она может постоянно течь вплотную. – Возражает мне Рон, а сама осматривает территорию, так тщательно, как ей позволяют ее данные.

– Тогда куда увели девчонок. Они наверняка знают дорогу, которой мы не видим. Нам нужно или хорошо постараться и найти ее, или еще сильнее постараться и отыскать свою, новую.

– Да. Еще не мешает, поесть и поторопиться с поисками.

– Мы не будем, есть, пока что, нам нечем подкрепиться, но позже, мы что-нибудь придумаем. Нужно смотреть, раз мы наверху. – Я с горечью отодвинула мысли о еде и воде на второй план и переключила свое внимание на реку.

Стена выглядела старо, было ощущение, что ее не раз ломали и собирали снова в некоторых местах. Наш выступ – не единственный разлом в стене. Еще виднеются несколько,

до тех пор, пока их еще можно увидеть. С места, на котором мы стоим, спуститься невозможно. Нет ни выступов в стене, ни кусочка суши у реки.

– Ты, надеюсь, умеешь плавать? – задаю я вопрос Рон, а сама даже боюсь услышать ответ. Ведь я сама научилась плавать совсем недавно и случайно. Никогда не ставила себе такой цели. А несколько месяцев назад мы спорили с Су о том, кто из нас окажется быстрее в беге, на желание. Тогда Су на несколько секунд опередила меня, теперь я благодарна ей за эти секунды, ведь ее желание оказалось, чтобы я плавала вместе с ней на дополнительных занятиях. Я, до сих пор, плаваю не совсем хорошо, но меня радует и это. А между тем, Рон отвечает, что умеет довольно хорошо плавать и постоянно ходила на дополнительные задания. Потому что, вода – это ее стихия. Хоть на том спасибо, рядом есть тот, кто сможет вытащить меня из реки, когда я нечаянно сорвусь вниз.

Мои ладони потеют, мешая мне крепче держаться за стену, и я прижимаюсь к ней всем корпусом.

– Нам нужно спуститься и попробовать рассмотреть все с другого выступа. – Решает Рон, а я просто киваю и аккуратно спускаюсь на землю, туда же, откуда мы начали подъем.

До следующего выступа мы добрались быстро. Он хоть и выше, но шансы, что с него можно спуститься на другую сто-

рону есть. Мы карабкаемся в том же порядке. Я подстраховываю Рон и помогаю ей в подъеме наверх. Сама, уже не настолько уверенная в своих силах, поднимаюсь чуть аккуратнее и медленнее, чем раньше. Вот мы наверху и снова изучаем стену и то, что ее окружает.

Следующие события происходят настолько быстро, что я не успеваю обдумать свои действия. Рон видит удачные камни в стене, на которых можно попробовать удержаться. Она наклоняется, чтобы мне было удобнее их рассмотреть и ее нога скользит вместе с куском стены. Она не может удержать равновесие и в панике хватает меня за руку, которую я вытягиваю к ней. В итоге, мы обе падаем со стены. Я лечу вниз и совершенно не боюсь падения, я столько раз его переживала во сне, что можно сказать, ждала, когда же это произойдет со мной в жизни. Единственное за что я боюсь, так это само столкновение с поверхностью воды. Мои сны никогда не кончались столкновением с водой или твердой почвой. Все время я или просыпалась раньше, или земля меня пружинила вверх. Теперь же, я ощущаю резкий удар спиной, о воду, от которого у меня выбивает весь воздух из легких. От неожиданности и боли я даже не стараюсь барахтаться под толстым слоем воды, река швыряет мое тело из стороны в сторону, как тряпичную куклу. Но вскоре её течение умиротворяет свой пыл, и я опускаюсь все ниже и ниже, пока мои глаза не закрываются, и мое тело не принимает речное, илистое

дно...

Сквозь шум в ушах я слышу песню ангела. Голос настолько чист, а песня убаюкивает и согревает все внутри. Мне хочется слушать ее бесконечно, но она прерывается. Я хочу что-то сказать, попросить повторить пение, но как только это делаю, телу возвращается вся боль, которую оно недавно пережило. Спина горит огнем, а по горлу будто прошлись наждаком. Я могу только издать стон, который рвется наружу.

На мою голову ложиться чья-то холодная ладонь и становится легче, песня снова возвращается, и я стараюсь отвлечься от боли, прислушиваясь:

«Девушка по полю шла босиком.
След, поливая парным молоком.
Ветер украл из косы волосок,
Зреет на поле пшеничный росток»

Слова песни звучат очень необычно и несут в себе какой-то смысл. Я начинаю представлять гуляющую в поле красавицу, с густой косой золотого цвета. Земля, проминается под ее босыми ступнями и остается крохотный отпечаток миниатюрной ножки девушки. Она несет крынку с молоком, напоить работающих в поле людей, а оно, от неровных шагов плещет через край, поливая собой почву.

Я давно не видела таких красочных снов.

Я вообще, давно не видела ничего кроме падений и поэтому не пытаюсь сопротивляться, я позволяю забрать себя сну, в этот сказочный мир с красивыми, простыми историями.

Снова открывать глаза, было так же больно, как и в прошлый раз. Но я уже не чувствовала себя настолько уставшей, как раньше. Сначала, перед моими глазами осталась та же темнота, что и до того, как я попыталась их открыть. Но, когда я несколько раз моргнула и попыталась сфокусировать свой взгляд на какой-то одной точке – проявились силуэты. Это был потолок, над моей головой. Никогда не думала, что буду засматриваться красотой потолков. От этого же, невозможно было оторвать взгляд. Весь покрыт узорами и картинами. Там были и люди, и животные, и ангелы. Пурпурные небеса плавно сливались с перламутром озер. Я всматривалась в каждую деталь рисунков так увлеченно, что не заметила присевшего рядом со мной человека.

– Тебе уже лучше, слава богу! – Я вздрогнула от испуга, но тут же, пожалела об этом. Все тело отозвалось резкой болью. – Тише, не делай резких движений. Извини, что напугала тебя. – Это была та же девушка, поющая мне песни, я узнала ее голос. Немного повернув голову, я рассмотрела ее лицо, как я и предполагала – ангельское. Все настолько гармонично сочетается. Губы, нос, глаза, овал лица. Она была похожа на любого, изображенного на потолке, и не похожа

ни на кого одновременно.

– Вы ангел? – то ли спрашиваю, то ли утверждаю я своим севшим голосом. И горло отвечает мне на мою попытку высказаться – спазмом. Некоторое время я не могу вдохнуть воздух, а когда вдыхаю, девушка вливает мне ложку чего-то горького в рот, и я снова хватаю воздух глотками, как рыба. Пока я не успела опомниться, девушка с ангельским лицом вливает мне в рот еще ложку этой гадости. Когда я отвернулась и отдышалась немного, я снова могу говорить.

– Что это было?

– Это наше лекарство, оно лечит тебя от ран, которые нанесла тебе река. И да, я не ангел. – Девушка улыбнулась мне одним уголком губ, отчего стала похожей на ангелочка, который что-то натворил.

– Я ничего не помню. Расскажите мне, где я и почему я здесь? – Я задаю этот вопрос и снова не нахожу в своей голове на него ответа.

– Я объясню тебе, только ты не нервничай и не пытайся встать, тебе еще рано. – Она сделала паузу, ожидая моего согласия. Я слегка кивнула головой.

– Тебя выловили из реки наши рыбаки, у воды сильное течение и любой, кто падает в нее, окажется в наших краях. – Она снова улыбается и продолжает. – Ты была не одна, твою подругу мы тоже выловили из реки немного раньше. С

твоими повреждениями, тебе очень повезло, что ты попала к нам. Сама бы ты не выжила.

– Значит Рон тоже здесь, можно мне ее увидеть. – Перебиваю я, а девушка на меня шикает в ответ.

– Я же сказала никаких резких движений, ты еще не здорова!

Я не заметила, как чуть привстала, а теперь, когда я обратила на это внимание, спину словно обдало огнем. Я очень медленно вернулась на место.

– Тебе пора отдыхать. – Девушка уже собралась встать и идти, но я схватила ее за руку, которую она держала у края моей кровати.

– Но ты не рассказала мне, кто ты.

– Всему свое время, тебе нужно выспаться.

Я настырно не отпускала ее руку и вглядывалась в глаза, пытаясь сломить оборону. Поняв, что мне это не удастся, я предприняла еще одну попытку. Так я смогу узнать больше.

– Спой мне еще, пожалуйста, ту чудесную песню, что я слышала.

Она соглашается, только если я закрою глаза и попытаюсь заснуть. Я закрываю глаза и напрягаю слух. Ловлю каждую ноту, каждое слово:

*«Девушка по полю шла босиком.
След, поливая парным молоком.*

*Ветер украл из косы волосок,
Зреет на поле пшеничный росток*

*Молодец руки водою омыл.
Хлебную корку себе отломил.
Крохи, упавшие в чрево земли
Вновь урожаем на поле взошли»*

Теперь, перед глазами у меня была новая картинка. Я видела, золотом отливающую равнину, не имеющую конца и края. Подойдя ближе, я разглядела, гладко уложенные ветром в ровные ряды, колосья пшеницы. Их укачивали порывы ветра, а они в ответ пели ему песню. И тут я не смогла больше сдерживать счастья от всей этой красоты, переполняющей меня. Я широко улыбнулась и побежала, через все поле, расставив руки в стороны, чтобы они задевали золотые макушки. Я так долго и быстро бегу, а мои ноги и легкие даже не устали. И тут я замечаю, что в руках моих оказалась крынка, полная молока, а я бегу и все сильнее расплескиваю ее. Останавливаюсь. И иду вперед, уже аккуратнее. Вдалеке вижу чистое от посадок пространство и направляюсь к нему. Молоко, то и дело старается перепрыгнуть через край, и я приковываю свой взгляд к сосуду, стараясь контролировать свои движения и идти плавно. Вдруг, натыкаюсь на что-то и молоко, через край плещется, обливая все вокруг. Я поднимаю взгляд и вижу изумительной красоты глаза, синие и

глубокие. А волосы, золотые и шелковистые, пытается растрепать ветер. Но как бы он не старался, они вновь и вновь ложатся в идеальную прическу. Молодой человек подмигнул мне и улыбнулся, а на подбородке красовалась выпуклая родинка.

Я открыла глаза, разгоняя остатки сна. Вот еще, не хватало, чтобы мне снилась моя пара на производство. А сама заметила, что мои щеки – пылают огнем. Может у меня жар? Где моя спасительница?

Словно услышав мои мысли, девушка мне отвечает:

– Как спалось, наверное, приятный сон тебе снился? – Она широко улыбается, а глаза так и искрят.

– Нет, сон как сон. – Отвечаю я. А саму, почему-то, все сильнее бросает в жар. Определенно это не температура, раз я ее могу контролировать, но раньше я не испытывала таких чувств. Не зная, как объяснить свое поведение, я перевожу тему, на более интересующую меня. – Сколько времени я спала? И девушка, что была со мной, она проснулась?

– Опять столько вопросов, сначала прими лекарство.

Я скривилась, но открыла рот. В меня залилось целых три ложки, больше глотать эту гадость я не смогла.

– Молодец, идешь на поправку. – Я и вправду не чувствую боли в горле и груди, когда разговариваю, отвечаю спасибо и снова посылаю вопросительный взгляд в глаза девушки.

– Давай для начала познакомимся, меня зовут Вероника,

а тебя как?

На секунду я задумалась. Такое красивое и необычное имя. Оно звучит почти так же красиво и долго, как песня, которую она мне пела.

– Лин. – Немного смущаясь, отвечаю я. Странно, мне мое имя всегда казалось красивым и мелодичным, как звон колокольчика. А сейчас я его стесняюсь, будто мое имя, слышится как звон тарелкой об стол. Наверное, Вероника это замечает и пытается меня успокоить.

– Чудесное имя, странное, как и ты сама. – Она видит мое смущение и старается сгладить обстановку. – А твоя подруга, Рон, кажется, тоже пришла в себя, правда она повредила ногу при падении, и теперь ей нельзя будет вставать намного дольше, чем тебе.

– Жаль, я хочу ее увидеть.

– Немного позже, – переводит она тему и продолжает, – тебе, наверное, интересно услышать нашу историю. Я вижу, что ты не здешняя. К тому же, все, кто попадает к нам через реку, определенно живут в других краях. – Вероника смеется и ее мягкий голосок, окутывает всю комнату. Я улыбаюсь, зная, что смеяться еще не смогу из-за боли, которая жмет мою грудную клетку.

Она попала в самую точку. История – это моя любимая тема. А узнать ее из первых уст – это предел моих мечтаний.

– Конечно, я хочу знать. – Я встаю повыше и слушаю

мелодичный, как перезвон колокольчиков голос.

– Мы, к сожалению, знаем нашу историю частично, обрывками. А может быть, наша история, воссоздавалась, как и наша группа, по крупине, день за днем. Вы называете себя «Обществом», мы называем себя «Коммуной». Особых отличий в названии нет, оба слова представляют собой объединение людей, для достижения целей и совместных работ во благо каждого. Но, ты будешь шокирована, когда увидишь нашу жизнь, такой, какая она есть. Для тебя – многое будет неприемлемо и чуждо. Но ты должна понять, что и нам ваша жизнь кажется неправильной. – Я боялась перебить, но вопрос просто напрашивался сам собой.

– Откуда вам столько известно о нас, когда мы о вас совершенно ничего не знаем?

– Неправда, – улыбнулась Вероника. – Знаете, но не все, а только правящая верхушка. Наверное, они решили скрыть эту информацию от вас, для того, чтобы не раскрыть другую. Но сейчас не о вас, а о нас. Первые поселенцы этой местности оставили о себе немного записей. Только то, что они долго скитались по свету, в поисках более защищенного от поражения места. И они его нашли. Но не здесь, хоть и не намного дальше. В записях тех людей много тоски и обреченности, так как они потеряли многих в пути, а также, им пришлось оставить почти всех своих женщин в тайном убежище, о местоположении которого не было известно. И вот,

оставшиеся мужчины, и не пожелавшие их покинуть женщины, принялись за строительство нового убежища, так как не могли больше идти. Наши дома таились в земле, благо данная местность благоприятна для земледелия и мы смогли выживать долгое время. Год за годом численность возрастала, а воздух становился все чище и безопаснее. Тогда, мы вышли наружу, покинули свои пещеры и теперь живем на поверхности, наслаждаясь солнечным светом и чистым воздухом.

Нашу Коммуну не обходили беды. Она подвергалась нападению животных, от которых была построена стена. Землетрясениям, от которых, она была частично разрушена и постепенно восстанавливается. Наводнениям, благодаря которым, мы имеем воду, как защиту и средство для пропитания. Но, благодаря силе духа и объединению, мы справляемся со всеми трудностями. Хоть в нашей Коммуне до сих пор и преобладают мужчины, со временем равновесие восстановится. — Она немного остановилась, задумавшись, а потом снова продолжила. В целом это все, что я знаю. Я мало времени уделяю обучению, в основном я работаю здесь, медсестрой. Что бы что-то понять, тебе нужно это увидеть. — Я уже начала приподниматься со своего места, как Вероника меня остановила, прижав снова к спинке кровати. — Нет, же. Конечно не сегодня. Ты еще не достаточно окрепла. Сегодня, ты немного поешь и еще поспишь.

До того, как я услышала напоминание о еде, я совершенно спокойно существовала, не подозревая, что нужно питаться. А сейчас, мой организм, тоже видимо что-то вспомнив о еде, начал усердно ее требовать, выдавая жуткие звуки изнутри. Вероника вышла, наверное, чтобы не смущать меня, а когда вернулась снова, в руках держала глубокую глиняную миску с чем-то дымящимся внутри. Это так вкусно пахло, что я проглотила слюну, по мере приближения ко мне чашки.

– Вот, поешь немного. А после лекарство. – Она поставила миску с едой и баночку с отвратительной на вкус микстурой, и вышла за дверь. Наверное, у них мало кто болеет, раз меня поселили в отдельную комнату. Все вокруг было крохотным, начиная с размеров самой комнаты, заканчивая кроватью, которая не до конца вмещала мои ноги. Скорее всего, палата, в которой нашлось мне место – детская. Это объясняет и рисунки, и размеры. Значит, в Коммуне есть и дети, и взрослые. Раньше я ничего не замечала, кроме потолка, ни в кровати, ни в самой комнате, а теперь мне захотелось рассмотреть все подробнее. Может, удастся что-то узнать до того, как меня выведут отсюда.

Но запах.

Я так хочу есть.

Накинувшись на миску, я даже не сразу стала пережевывать. После нескольких съеденных мной ложек, я остановилась, пытаюсь распознать вкус, того, что пробовала. В целом,

эту еду я бы назвала «Слишком». Мне она показалась слишком острой, слишком соленой, слишком сладкой, слишком кислой, слишком вкусной и слишком противной. Одно могла сказать точно, такого я не ела никогда в своей жизни, хотя меню нашего Общества довольно разнообразно. Несмотря на необычность блюда, я доела его полностью, настолько была голодна. Приятно потянувшись в кровати, решила тайком размять ноги и самостоятельно встать, чтобы потом не выглядеть неуклюжей курицей. Отбросив одеяло в сторону, обнаружила, что на мне не моя одежда, а чья-то белая рубашка, достаточно длинная, и я почувствовала себя не комфортно в чужих вещах. И потом, меня же кто-то переодел, пока я недвижимая валялась где-то. Мое лицо снова стало полыхать огнем. Наверное – это действие дурных лекарств, которые в меня вливают. Я прислонила прохладные руки к щекам и вскоре все прошло.

Выдохнув, я стала проделывать то, что планировала раньше. Постепенно, очень медленными движениями, я спустила ноги с кровати, немного повернувшись на бок. Каждое движение хоть и отдавалось болью в спине, но все же, это не та боль, которая была раньше. Теперь, упереться на руки и попробовать сесть. Я осуществила свой замысел! Хоть, комната и поплыла перед глазами, но это достаточно быстро прошло. То, что труднее всего, я оставляю под конец. Осталось только встать на ноги. Я напрягла все тело и оттолкнула се-

бя от кровати. Мои ноги, как ватные, подогнулись под весом моего тела. Я не успела ни за что ухватиться и мешком упала на пол. В глазах снова потемнело, и я больше не чувствовала себя.

– Эй, ты в порядке?

Что-то слышалось в моей голове, но я не могла придать словам смысл. А потом меня словно выдернуло из темноты от резких ударов по щекам. Я замахала руками и открыла глаза одновременно. Картинка перед глазами была расплывчатой, и мне пришлось несколько раз открыть и закрыть глаза. А потом и вовсе закрыть глаза руками, так как не ожидала так близко увидеть лицо человека.

– С тобой все в порядке? – голос, мягкий как бархат, укутывал и окружал собой все вокруг. Я решила приоткрыть глаза и посмотреть, внимательнее, кому он принадлежит. Приоткрыв, частично лицо, я сначала разглядела глаза, которые вопросительно смотрели на меня. Никогда не видела такого цвета глаз, черные, они словно бездонная яма, призывали падать все глубже и глубже.

– Что тут случилось? Что-то упало?

Вошедшая Вероника заставила оторвать взгляд от глаз. И я ощутила чувство неловкости, ведь так долго смотреть в глаза не положено. А может, я совсем недолго на него смот-

рела? Я словно провалилась во времени. Мои щеки снова начали гореть огнем и я, только сейчас сопоставив все данные, поняла, что причина вовсе не в повышении температуры тела, а в неловкости момента. Но, поскольку раньше, я не испытывала такого, определить, что случилось — было сложно. Я вижу, что все ждут от меня ответа.

— Я пыталась встать и упала. — Говорю, а щеки все сильнее и сильнее загораются, чувство, будто я полыхаю огнем.

— Вот это новости. Как ты вообще смогла встать с такими ушибами. Тимофей, положи ее обратно на кровать. В следующий раз я буду тебя привязывать в мое отсутствие, чтобы ты не стремилась больше к побегу. — Рассерженный голос Вероники, вовсе не казался мне грубым и жестким, какой она хотела показаться в данный момент, и я не смогла сдержать улыбку, переводя взгляд на молодого человека с черными глазами и именем Тимофей. Он тоже улыбался, смотря на меня, уж не надо мной ли он смеется? Я опустила руки и стала сильнее оттягивать рубашку вниз, но ничего не вышло, я придавила ее своим телом к полу. А тем временем, Тимофей с легкостью поднял меня на руки и переложил на кровать. Надо отдать должное, он даже не посмотрел вниз на слишком открытые ноги, но я все равно чувствовала себя не уютно. Ко мне никогда так близко не находился человек противоположного пола, кроме некоторых учителей, но и они постоянно держали положенную дистанцию. Но ведь

и я не сводила глаз с Тимофея и пыталась изучить, запомнить. Волосы намного светлее глаз, ближе к каштановому оттенку, разрез глаз смешливый, будто он вот-вот рассмеется или просто ситуация располагает. Губы, впрочем, я не успела разглядеть все до конца, так как он подмигнул мне, улыбнулся и в несколько шагов вышел из комнаты. Я даже начала задумываться, не мерещится ли мне все это, может я, просто заснула дома после просмотра панели с изображением моей пары и теперь во сне, вижу полную его противоположность? Но в этот момент ко мне подошла Вероника и аккуратно накрыла меня одеялом.

– Пообещай мне, что ты не будешь пытаться снова встать сама. Захочешь встать, позови Тимофея, он постоянно у твоей двери. Сразу подойдет и все решит.

– Как это постоянно у моей двери? Зачем? Вы что меня охраняете? – Моему возмущению не было конца. Я лежу, словно привязанная к кровати, уже долгое время, а меня еще и охраняют. – Для чего?

Вероника лишь слегка пожимает плечами и говорит, что это для моей же пользы. Не могу принять этот ответ и начинаю допытываться до истины.

– Зачем вы охраняете меня? Я не представляю для вас угрозы!

– Хорошо, – она, наконец, согласилась открыться, – Мы и правда тебя охраняем, но это действительно, для твоей пользы. Мы боимся, что за тобой придут и выкрадут у нас.

– Что? Почему меня должны выкрасть?

Вероника замялась на минуту, потом черты ее лица, стали более решительными и она сказала:

– Ту девушку, что была с тобой, прошлой ночью выкрали из ее комнаты. То, что она сбежала, не может быть правдой, хотя многие решили считать так. Но я знаю, что с ее переломом, она не дошла бы и до двери своей комнаты. – По мере того как Вероника «раскрывала карты», я все сильнее путалась в своих мыслях. Кто, зачем, почему, когда, все эти вопросы просто не умещаются в моей голове. – Поэтому, мы решили обезопасить тебя, выставив охрану к твоей комнате. Не переживай, Тимофей, очень хорошо подготовлен и он сможет тебя защитить. – Я не беспокоилась за себя, точнее за себя меньше всего, больше всего меня волнуют пропавшие девушки и Су, которая тоже исчезла, оставив записку, чтобы я ее не искала. – В любой момент можешь его позвать и что-нибудь попросить. Ну, или просто поболтать... – Вероника хитро улыбнулась и стала поднимать баночку с лекарством, которую я, наверное, уронила при падении.

Она качает головой и выходит из комнаты, но вскоре возвращается, снова наполнив сосуд – пахучей гадостью. Все мои мысли померкли, когда я приняла несколько ложек

микстуры и уплыла в спокойный сон, на этот раз без сновидений.

Когда я открыла глаза, в комнате было темно. Осознание того, что произошло, нахлынуло на меня, отстраняя остатки сонливости. Я не хотела находиться здесь одна, и мне нужны ответы на мои вопросы.

– Тимофей! – Я вовремя вспомнила, что Вероника предлагала звать его в любой момент. Так, почему бы не сейчас.

Дверь приоткрылась, и в проеме показалось лицо Тимофея.

– Чего тебе? – Он спрашивал сонным голосом, мне было неловко его тревожить, но отступать уже поздно.

– Я хотела поговорить, мне нужно кое в чем разобраться, мне нужна твоя помощь. – Сделав лицо милее, я добавила улыбку.

– Сейчас. – Дверь закрылась, а через минуту снова распахнулась. Тимофей входил, натягивая на себя рубашку. Точно спал.

– Ну, спрашивай. – Сказал он, привалившись ко мне на край кровать. Я сдвинулась, поближе к стене. И молчу, не знаю с чего начать. Темнота и тишина становятся давящими, и я говорю первое, что приходит в голову:

– У тебя очень красивое и странное имя, у Вероники тоже (поправляюсь я). Ваши имена настолько длинные, что произнося их, я чувствую, как они звучат. Имя Вероники похо-

же на песню с колокольчиками, а твое звучит как скрипка.

– Можешь звать меня Тим, тебе так будет удобнее.

– Может. – Снова тишина. На этот раз он начинает говорить:

– Я не знаю, кто украл твою подругу, но у меня есть свои подозрения. Мне нужно многое проверить, чтобы высказывать их на общее рассмотрение.

– А мне ты можешь сказать? Я совершенно посторонний человек и не выдам тебя никому. Мне нужна хоть какая-то информация, кроме той, что я навывдумывала в своей голове. Я больше не могу гадать, что происходит. Расскажешь?

Снова тишина в ответ. Только темнота стала немного рассеиваться, и я вижу очертания фигуры Тимофея. Он совсем не двигается, сидит, как статуя. Я уже хотела протянуть руку, чтобы проверить все ли с ним в порядке, но он начал говорить. Хоть, я ждала его ответа, все равно вздрогнула.

– С тех пор, как я себя помню, могу сказать, что в Коммуне не было пришлых людей, до недавнего времени. Практически еженедельно мы вылавливаем из реки девушек, но вот только, вы – первые, кого мы спасли. Все остальные не выжили, от полученных травм. Еще есть несколько человек, пришедших к нам добровольно, сбежавших из ваших городов. Мы созвали собрания и ходили по семьям с расспросами, но никто, ничего не мог ответить на наши вопросы. Я

предложил выставить посты, на подходе к стене, чтобы контролировать ситуацию и понимать, что происходит. Ведь девушки, которые оказались здесь добровольно, узнали в каждой из утонувших своих бывших знакомых, виденных ранее в городе. Они сказали, что все утонувшие примерно одного возраста восемнадцати лет, а значит «аттестованные, для прохождения процедуры воспроизводства», кстати, всегда, хотел спросить, что это значит? – Он прервал свой рассказ и вопросительно смотрит на меня, ждет ответа.

– Ну, это когда, ты достигаешь возраста восемнадцати лет и тебя, после прохождения тестов на здоровье и экзамена отправляют в соседний город, для экстракорпорального оплодотворения. – Как можно быстрее и в общих чертах объяснила я, но увидев на лице Тимофея чуть ли не открытый от удивления рот, решила вернуть тему разговора в правильное русло. – Так что там с постами у стены?

– Подожди, так это правда? Слухи, что ходят у нас в Коммуне не врут? Вы и вправду делаете себе операции для воспроизводства? То есть, как это? – Тимофей явно запутался в своих вопросах и сейчас просто говорит не связную речь, высказывая свои ощущения. А я не могу понять, что могло удивить его в столь простых вещах.

– Да, это естественный процесс. Чтобы иметь здоровое потомство Совет отбирает для нас подходящие пары.

– И у тебя тоже есть пара? – Перебивает Тим.

– Да, конечно, она определена уже давно, но перед тем,

как попасть сюда, я увидела его впервые. — Сама не знаю зачем, рассказываю ему.

— И как он тебе, понравился? — Он задает совсем личный вопрос и я, смущаясь, не желаю больше продолжать этот разговор.

— Ты что-то говорил о постах у стены. — Снова поправляю его.

— Да, прости. — Он замялся на несколько минут, но продолжил. — На голосовании, было решено, что мы не можем рисковать своими людьми и, в общем, тема была закрыта. Только тела продолжали появляться. Тогда, я стал самостоятельно выслеживать, дежурить у стены, но только пару раз слышал удаляющийся в ночи звук мотора и видел корпус большой машины. А в ту ночь, когда появились вы, я впервые не пошел к стене, посчитав это, действительно, тратой времени. — Он закончил рассказывать, но я хотела знать больше.

— Ты сказал, что у тебя есть свои подозрения, но не рассказал какие.

— Да, совсем забыл, что ты не в курсе здешней жизни и думал, поймешь сама. Дело в том, что в нашей Коммуне нет таких автомобилей, наши средства передвижения просты. А такие машины есть только у Общества.

— Выходит, что это Общество, но зачем?

— Я не думаю, что все так просто. Я тоже хочу разобраться, но пока не могу придумать как. Не думал, что такие про-

блемы могут коснуться Нового мира.

– Как ты сказал? – В голове мелькнуло воспоминание. – «Новый мир», что это?

– Так называется наша Коммуна, мы создаем Новый мир, без ошибок старого, без неправильных решений людей до катастрофы.

«Новый мир», еще раз прожевала я слово, и в голове вспыхнуло воспоминание:

«Лин. Не ищи, будут неприятности. Я выбрала свой путь. Прости, что не сообщила заранее. Может быть, еще встретимся в новом мире. Прощай. Су»

Глава 7.

Я проснулась от того, что в комнату, резко распахнув дверь, вбежала Вероника, с диким криком «Где Тимофей!». Оглянувшись по сторонам, я поняла, почему мне так тесно и не комфортно. На моей и без того маленькой кровати спал Тим, чуть ли не свернувшись в клубок, у меня в ногах. Он тоже проснулся, потянулся, размял руки и ноги, и встал с кровати.

– Ты что кричишь? Здесь я. – отозвался Тимофей и направился к выходу.

Я, снова красная от подступившей неловкости, уставилась невинными глазами на Веронику. Та, лишь крикнула Тиму, чтобы предупреждал, в следующий раз, а то она волнуется.

– В следующий раз? Да это случайно вышло, мы просто болтали. – Начала оправдываться я, а Вероника, просто махнула рукой и начала другую тему, подробности этой, ей были не интересны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.